

"Партизанка Лара"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Надежда Надеждина

Партизанка Лара

КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ

В библиотеках, в Домах пионеров на встречах с ребятами меня всегда спрашивают: как вы писали свою книгу, как это началось?

Началось с куклы. Через стеклянную дверцу шкафа, стоявшего в пионерской комнате 106-й школы Ленинграда, она в упор смотрела на меня твёрдыми выпуклыми глазами. Большая кукла в поношенном, но аккуратном платице.

— У вас в дружине играют в куклы?

Кто-то фыркнул, кто-то пожал плечами. Но гостям простительно многое не знать. И мне ответили задушевно и доверительно:

— Так ведь это же Ларина кукла!

Мне показали парту с памятной дощечкой, парту ученицы Ларисы Михеенко, ставшей партизанской разведчицей во время войны. Передо мной развернули знамя дружины. На алом бархате золотыми буквами сияло девочкино имя.

Ребята вытащили из карманов блокноты — подарок городского штаба красных следопытов редакции «Ленинские искры». Следопыты 106-й школы записали в блокноты всё, что им удалось разведать во время похода по местам, где партизанила Лара.

Один из мальчиков, подарив мне на память свой блокнот, сказал:

— Может, допишете? Там осталось ещё три чистых листика. И я пообещала:

— Обязательно допишу.

Дома я долго рассматривала подаренную мне Ларину фотографию. Нежный овал лица, непокорные волосы, упрямый рот и внимательные, думающие глаза. Вот она какая!

Мне захотелось написать о девочке, которую я полюбила по ребячьим рассказам, уже не три листика в блокноте, а целую книгу. Я сама стала следопытом. Начались поиски и дороги.

Дорога в Калинин. Там, в партизанском архиве, в списке безвозвратных потерь 21-й бригады, я нашла запись о Ларе.

Снова дорога в Ленинград. Кто нам ближе всего в детстве? Конечно, мама! А потом первая учительница и школьные друзья. Детство Лары раскрылось мне в рассказах её матери Татьяны Андреевны Михеенко, её учительницы Ф. А. Думченко, её закадычной подруги Л. А. Тёткиной.

Но ведь и далеко от Ленинграда у Лары были подруги — Рая Михеенко, Фрося Кондруненко, с которыми она вместо вступила в партизанский отряд.

Дорога в Вильнюс к Рае, теперь Раисе Кузьминичне Исаковой.

Дорога в Пустошку вместе с матерью Лары, тамошней уроженкой. Я познакомилась с семьёй Кондруненко, с учительницей Е. А. Минченковой (в партизанские годы Подрезовой), с Я. В.

Васильевым, бывшим секретарём подпольного Пустошкинского райкома КПСС и одновременно комиссаром отряда «Народный мститель», и другими партизанами. Пустошкинский райком КПСС устроил нам поездку по партизанским местам. Помню, как машина остановилась посреди поля. Голос Татьяны Андреевны дрогнул, когда она сказала: — Здесь раньше было наше Печенёво!

От деревни Печенёво ничего не осталось, кроме серых камней фундаментов, кое-где торчащих из травы.

Сгорела изба разведчиков в Кривицах. Но уцелел дом, в котором находился штаб 6-й бригады, дом, куда майским утром часовой доставил трёх девочек.

И везде — в домах, в школе, под открытым небом на колхозном поле — я записывала рассказы партизан. Рассказывали охотно, но с тех пор, как окончилась война, прошло тринадцать лет, и многое стёрлось в памяти. Спорили: Валей или Олей звали девушку, которая последний раз ходила с Ларой в Игнатово. Мальчика, адъютанта комбрига Рындина, называли по-разному.

Давали мне адреса, но часто эта путеводная нить обрывалась: то человека нет в живых, то адрес устарел за давностью. И надо было снова искать.

Через газету «Пионерская правда» горячо откликнулся бывший командир 21-й Калининской партизанской бригады Георгий Петрович Ахременков. Очень помог мне заместитель командира 6-й Калининской бригады по разведке Павел Константинович Котляров, приехавший из Казахстана по вызову издательства «Детская литература» в Москву.

Поиски продолжались и после того, как вышли первые издания книги «Партизанка Лара». Это было поручение пионерских отрядов имени Лары из семи городов, где мне повязали красный галстук. И вот в одном из таких отрядов в 581-й школе Москвы была вывешена молния: «Мишка-адъютант нашёлся! Ура!»

Юный партизан Овчинников был адъютантом у двух комбригов. После гибели комбрига Арбузова Овчинников снова вернулся к Рындину. Иностранное имя, которое дали родители Овчинниковы своему сыну, в партизанских бригадах не прижилось. Партизаны звали мальчика чаще Аликом, а иногда и Мишкой; рассказывали мне о нём по-разному. В книге в лице Мишки-адъютанта история Алика Овчинникова сплелась с историей ещё и другого мальчика.

С Красной Армией Алик двинулся на запад добивать фашистов, в одном из боёв был ранен, лишился ноги. Сейчас А. В. Овчинников работает в Калининске на заводе. У него семья: жена и две дочки.

Адрес Овчинникова я узнала в Великих Луках у подполковника запаса Петра Васильевича Рындина, бывшего командира 6-й Калининской бригады. Комбриг не забыл своего адъютанта, который однажды спас ему жизнь. Комбриг рассказал мне то, чего я раньше не знала, — о своей первой встрече с Ларой, и в новом издании книги появился новый эпизод.

Жена Рындина, Нина Ивановна Салазко, во время немецкой оккупации была инструктором Калининского подпольного обкома комсомола, проводила комсомольские собрания в тылу врага. На одном из таких собраний Рая, Фрося и Лара вступили в комсомол.

Рындин дал мне ещё и другой адрес, и новая дорога привела меня в украинский город Золотопошу в гости к бывшему партизанскому фельдшеру Марии Ефремовне Калине. В партизанском отряде она и ухаживала за ранеными, и ходила в разведку. Мария Ефремовна была в строю с первого до последнего дня войны, когда её ранили при штурме Берлина.

Я не жалею о том, что годы ушли на поиски. Я радуюсь, что познакомилась и подружилась с чудесными людьми. Слушая их рассказы, я ещё сильнее ощутила величие грозного военного времени, когда любовь к Родине звала на подвиг взрослых и детей.

В память детского сердца, верного и смелого, гордого и нежного, и написана эта книга.

Ларе Михеенко одиннадцать лет

ГЛАВА I

Я не оставлю бабушку

Всё было кончено: они уезжали. И не к дяде Семёну в Лахту, где почти у самого дома милое мелкое море. Нет, мама провожала их в какой-то Пустошкинский район, Калининской области, [1] в деревню Печенёво.

Когда-то в этой деревне родилась бабушка. На старости лет ей захотелось навестить родные места. И она брала с собой Лару.

— Не пожалеешь, милоч. В деревне летом куда как хорошо!

Но что же хорошего летом в деревне, если ходить в лес одной нельзя — мама не позволяет. Даже спать на сеновале нельзя. Мама сказала, что в сене бывают змеи.

А когда Лара спросила; «Какие именно змеи?» — мама, нахмурясь, ответила:

— Укусят, узнаешь какие.

В этом Печенёве с женою и двумя детьми жил другой мамин брат и бабушкин сын — дядя Родион. Надо было бы маму подробнее о нём расспросить, но в день отъезда всем всегда некогда.

То мама упаковывала вещи, а в такие минуты на взрослых почему-то нападает глухота; то к Ларе пришла Лида Тёткина, с которой они дружили со времён фантиков. Когда Лара впервые самостоятельно перебежала трамвайную линию, Лида бежала рядом. И в школе они сидели рядом, и в волейбольном матче — девчонки против мальчишек — они играли рядом. Вместе собирали на пустыре Ларины любимые одуванчики, вместе решили стать знаменитыми балеринами, вместе перешли в 5-й класс. Лида была самая близкая подруга, Лара не могла с ней не поболтать.

Ну, а потом пришёл Коля, тот самый, который хотел выжечь Лариной бабушке глаза. Конечно, хотел!

Бабушка даже выронила вязанье — так ослепил её солнечный зайчик, пущенный Колей в окно. Тут Лара выскочила во двор и выбила из рук озорника зеркальце:

вернуться

1

Теперь Псковской области.

— Не смей на бабушку пускать! А то...

На солнце сверкнули стеклянные острые брызги. Это разбилось зеркальце.

Коля сказал, что с девочкой, которая дерётся, он больше не будет дружить.

Но всё-таки он пришёл. А из-за чего? Из-за коллекции птичьих перьев! Коля всегда что-нибудь собирал. И сейчас сладким-пресладким голосом Коля уговаривал Лару ему помочь.

— Что тебе стоит! Только когда найдёшь птичье перо, смотри, чтоб оно было настоящее, дикое. Куриные перья меня не интересуют.

Так вот говорили и говорили про птичьи перья, про всякую чепуху, а про то, что важно, и не пришлось Ларе с мамой поговорить.

Этот разговор начался лишь на вокзале.

Мама стояла на перроне и смотрела на высунувшуюся из окна вагона кудрявую голову. И Лара своими блестящими коричневыми, как спелые каштаны, глазами смотрела на маму. Правый глаз стал заметно косить. Так бывало всегда, когда девочка волновалась.

— Мама! Может быть, дядя Родион не хочет, чтоб мы жили в его доме целое лето?

— Это не его дом, а бабушкин. Я буду посылать вам деньги с получки. Конечно, не так уж много — сколько смогу.

Мама старалась говорить спокойно, но видно было, что и она волнуется.

— Почему ты решила, что он не хочет? Кто это тебе сказал?

— А помнишь, что ты говорила на кухне бабушке и сразу же замолчала, как я вошла?

— Не помню.

— Зато я хорошо помню. Ты, мама, тогда сказала...

Но девочка не успела договорить. Вагон грубо дёрнуло, и мама, и все, кто был на перроне, начали быстро махать руками, словно боялись, что не успеют помахать сколько нужно, прежде чем поезд уйдёт.

Поезд тронулся. Мама укоротилась, стала маленькой, потом стала пятнышком, и вот уже маму-пятнышко не различишь.

А поезд всё шёл и шёл. Насыпь позади него посинела, словно подёрнулась туманом. Это полз по откосу запутавшийся в траве паровозный дым.

Поезд шёл мимо ласточек, черневших на проводах, точно ноты на нотной линейке; мимо поля, по которому прыгала тропинка, то показывая свою голую серую спину, то снова ныряя в траву.

Уже стемнело. Может, потому и качался вагон, что темнота толкала его своим чёрным боком? А может, вагон раскачивал ветер, рвавшийся к Ларе в окно?

И щекой, которой было щекотно от ветра, и лбом, и плечом девочка чувствовала, что она едет. Едет к незнакомому дяде Родиону, про которого мама на кухне сказала бабушке: «И в кого он уродился такой жадный? Не пойму!»

Когда дети остаются одни, они всё в доме переворачивают вверх дном; когда мамы остаются дома одни, они занимаются уборкой.

Ларина мама открыла верхний ящик комода. Сегодня свободный день — воскресенье, можно на досуге починить кое-что из белья.

От стопки чистых, туго накрахмаленных простынь шёл свежий, скрипучий холодок. В другой стопке лежала мужская рубашка.

Мама машинально разгладила пальцами помятый воротничок и, тяжело вздохнув, отложила

рубашку в сторону.

Нет человека — убили на финской войне, а рубашка осталась.

Надо спрятать её подальше или кому-нибудь отдать. Не дай бог, Лара увидит. Как она плакала над отцовской похоронкой! В школу пошла зарёванная. Но когда Лида спросила: «Почему у тебя глаза мокрые?», Лара ответила: «Очень жмут туфли». Она боялась, что если скажет правду, то расстроит Лиду. Лиде ещё хуже: у неё ни папы, ни мамы.

Лара с отцом были друзьями.

Бывало, они идут по улице утром: дочка-первоклассница — в школу, отец — на завод. Мигает над Ленинградом мелкий бисерный дождик. Мостовая в серебряных пузырьках. Её камни топырятся, словно рыба чешуя. Поют в тумане, зовут людей на работу заводские гудки.

— Папа! Это какой завод кричит?

— «Красный выборжец».

— А это кто?

— «Красная заря». У него голос толстый, солидный. У неё — потоньше. Тут, дочка, кругом фабрики в заводы — знаменитая Выборгская сторона.

— Почему знаменитая?

И отец начинает рассказывать, как при царской власти выходили на улицу с красным знаменем рабочие Выборгской стороны. И жандармы стреляли в них.

— Знаешь, дочка, одно время Ленин на Выборгской жил. Конечно, тайно жил, скрывался от шпииков. Его искали.

— И он ходил по пашей улице? Да?

Сбежав на мостовую, девочка часто-часто семенит по мокрым, скользким камням.

— Куда тебя занесло? Этак недолго и под машину попасть! Или ты хочешь постоять на том камушке, на котором Ленин стоял?..

...Мама порылась в нижнем ящике комода, вынула оттуда детское платье в горошек. Сколько тогда было Ларе? Четыре годика. Мама работала в Ленинграде, а жили они за городом, в Лахте. Там зимой, в отсутствие отца, это и случилось.

Мама пожаловалась бабушке, что вернётся с работы за полночь, встретить её некому, и она боится идти со станции одна.

На стене висели ходики. Бабушка учила внучку узнавать время. Вечером внучка пристала к бабушке: покажи, где будут стрелки, когда придёт мамин поезд? Бабушка показала: обе вместе, вот тут вверху. Ночью бабушку разбудил мамин отчаянный голос. Мама вернулась, а дочка пропала, девочкина кровать была пуста. Обыскали дом, обошли двор, шарили багром в колодце. Нигде девочки нет. Наконец бабушка вспомнила разговор про стрелки, и мама побежала на станцию, но уже другой дорогой — тропинкой через огороды.

Ветер раскачивал висевший на проволоке фонарь, тени колыхались на снегу. Маме

почудилось, что навстречу ей скачет заяц. То покажутся его длинные уши, то пропадут. А это был не заяц, а девочка. Концы бабушкиного платка, который Лара стянула узлом на макушке, торчали в стороны, как заячьи уши.

Мама подхватила девочку на руки, и маленькие озябшие пальцы — варежки Лара забыла дома — сразу же полезли за пазуху греться.

— Как тебе не стыдно! Бабушка плачет, я с ума схожу...

— Я хотела встретить тебя, мама! Ты боишься, а я не боюсь!

Вспоминается маме и другой день — летний, солнечно-жёлтый. По хрустящей дорожке девочка и отец входят в Зоосад. Топчется по клетке грустный медвежонок. Четыре шага вперёд, четыре назад — вот и вся его жизнь.

Девочка дёргает отца за рукав:

— Папа, открой! Давай выпустим медвежонка на волю. Неужели тебе его несколько не жаль?

Она всех жалела — и синиц, которые ходят босиком по снегу, и беспризорных кошек.

Когда переезжали из Лахты в Ленинград, она пыталась провезти в авоське облезлого бездомного кота.

Никто об этом не знал. Уже сели в вагон, и вдруг авоська на коленях у Лары зашевелилась. Сквозь её переплёты дико глянули светящиеся зелёные глаза.

— Ой! — вскрикнула мама. — Кто там в авоське на меня смотрит? Ой, напугал!

А кот, испугавшись ещё больше мамы, выпрыгнул в окно, унося авоську на хвосте. Весь вагон хохотал, кроме мамы и Лары. Одна жалела авоську, другая — кота.

В ту осень девочка впервые пошла в школу.

— Что тебе там понравилось, дочка?

— Переменка. Мы хоть побегали. А то сиди да сиди.

Ей, непоседе, привыкшей в Лахте плавать, лазать по деревьям, бегать по морскому скрипучему песку, скучно было тихо сидеть за партой. И вот началось:

— Не люблю школу. Не люблю буквы. Зачем их надо учить?

— Хочешь, как бабушка, быть неграмотной? Не выучишь букв — ни одной книги не прочтёшь.

— Не прочту — так услышу. Скоро будут говорящие книги. А в школу я больше не пойду.

И только тогда перестала упрямиться, когда мама заплакала: смотреть на мамины слёзы девочка не могла.

А потом мама писала библиотекарям записки: «Убедительно Вас прошу моей дочери, ученице 106-й школы Ларисе Михеенко, книг больше не выдавать. Она записана в три библиотеки. Ей дня мало, стала читать по ночам».

Ну, уж этим летом в деревне ей читать по ночам не придётся. Дядя Родион не позволит племяннице жечь керосин. И хорошо, что не позволит. Девочка долго болела, ей надо окрепнуть, тогда она осенью снова пойдёт в балетный кружок.

Мама вынула из нижнего ящика балетные туфельки, осторожно потрогала их тупые носы.

И вот уже чудится маме, что,дохнув ей в лицо торжественным холодом, раздвинулся бархатный занавес: на сцене девочка-балерина. Тоненькая, лёгкая, она кружится в луче света, словно белый мотылёк. Слышите, как играет музыка?..

— Татьяна Андреевна, вы слышите? Мама вздрогнула и очнулась.

— Слышите? — кричала ей с порога соседка. — По радио объявили: на нас напали фашисты. Война!

— Ларочка! — только и могла выговорить мама, роняя балетные туфельки на пол. А поезд уже далеко-далеко.

И на всех окнах опустились синие шторы, чтобы вечерние огни не выдали Ленинград самолётам врага.

Но стояло лето — время северных белых ночей, когда и без огней виден самолёту уснувший город. И белыми ночами ленинградцев стал будить настойчивый голос диктора:

«Граждане! Воздушная тревога! Воздушная тревога!»

Пронзительно выла сирена. Вздрагивали от залпов зенитки, женщины тащили в бомбоубежище плачущих детей.

Бывали такие ночи, что глаз не сомкнёшь, — за налётом налёт. К утру небо, как кровью, окрашивалось заревом пожаров.

Мама очень боялась бомбёжки, но из города не уезжала.

А вот многодетные семьи начали уезжать. Пришёл проститься и Коля, тот самый, который собирал птичьи перья.

— Что, Коля, страшно? — тихо спросила мама.

— Кому — мне? Ничуть! Знаете зажигалки? Ну, зажигательные бомбы знаете? Я уже целую коллекцию осколков от них собрал. Хотите, покажу?

— Что-то не хочется.

— Но моя мама ужасная трусиха. Она, правда, не за себя боится: за Вовку и Светку. Из-за этих писклей мы и уезжаем. А вы остаётесь? Да?

— Вот приедут мои, тогда и решим.

Мама поджидала их каждый день. Они должны вернуться, и обязательно вместе. Кому-кому, а маме хорошо известно, что разлучить бабушку с внучкой нельзя.

Однажды военное училище, в столовой которого работала мама, выехало под Лугу, в летние лагеря. Бабушка отправилась, как обычно, в Лахту, а Лару мама взяла с собой.

Место чудесное: сосновый бор, речка, по овражкам заросли дикой малины, луг в ромашковых кружевах...

Но девочка не хочет гулять. Она плохо ест, плохо спит — она скучает.

Только один раз оживились её глаза.

— Смотри, мама, смотри: старушка идёт!

— Что ж, ты разве старух не видела?

— Но это согнутая старушка. Совсем как наша бабушка. Почему мы не взяли её с собой?

И на другое утро девочка исчезла, оставив на подушке записку:

«Дорогая мамочка! Не ругай меня, что сбежала. Очень люблю жить, а без бабушки я умру».

Правда, назавтра беглянка вернулась, но уже вместе с бабушкой.

Так будет и сейчас. Как-нибудь они проберутся. Они приедут завтра, самое позднее — в четверг.

Но и в четверг никто не приехал. А в пятницу вечером мама нашла в почтовом ящике письмо. Сложенный уголком листок из школьной тетради в клетку. На нём штампель «Гатчина». Как попало в Гатчину Ларино письмо?

Мама читала его тут же, на лестнице. Тускло светила защитная синяя лампочка, и всё вокруг плавало в синем дыму.

«Мамочка, дорогая! — писала Лара круглым девчоночьим почерком. — Очень тебя люблю и скучаю, но дорогу разбомбили. Приехать нельзя. Я бы могла пешком. Но бабушка не дойдёт. А я не оставлю бабушку».

— «Не оставлю бабушку», — шёпотом повторила мама. — Я знала, что ты это скажешь. Но как мне жить без вас, девочка моя?

И снова по ночам выла сирена и зенитки целились в небо, полосатое от лучей прожекторов.

Снова невыспавшаяся мама ходила на работу и, возвращаясь домой, заглядывала в синий почтовый ящик. Она, как слепая, ощупывала пальцами его холодные, жёсткие стенки: не завалилось ли в угол письмо?

Она всё ждала, всё надеялась.

Но больше писем от Лары не было.

...В своём письме Лара ни слова не написала о дяде. И не случайно. Она не хотела огорчать мать.

Пусть мама не знает, что дядя Родион даже не спросил про здоровье своей сестры, его интересовало только, когда у неё бывает получка.

А как он считал деньги, которые ему передала бабушка! Каждую трёшку — уж не фальшивая ли? — он рассматривал на свет.

— Что толку в этих бумажках! — пряча деньги в карман, сказал дядя. — Сейчас на них ничего не купишь. Не знаю прямо, чем вас кормить.

Можно было бы кормить крупой, которую привезли Лара с бабушкой. Но тётя и дядя припрятали эту крупу. И бабушкин сахар в толстенных синих пачках тоже припрятали.

Дядя сказал, что пить каждый день чай с сахаром — это сущее баловство.

— Уедем отсюда, уедем! — упрашивала бабушку Лара.

— И-и, милоч! Обтерписься. А ехать нельзя. Слыхала, что Санька рассказывал? Как раз под бомбу и угодим.

Этот Санька — один печенёвский мальчишка — повадился к ним ходить. Бабушка травами лечила его от золотухи.

Ещё в Лахте бабушка собирала, сушила и складывала в мешочки разные травы и корешки. Но тогда Лара думала, что бабушка собирает их для коллекции, как Коля птичьё перья, и, кроме самой бабушки, они никому не нужны.

А вот в Печенёве, когда в аптеке не стало лекарств, корешки пригодились.

Оказалось, что бабушка занимается этим с молодых лет и в деревне её считают чуть ли не колдуньей, Которая может вылечить травами любую болезнь.

Так думали и Санькина мать, и сам Санька.

Пока бабушка готовила целебную траву, Санька, сидя на лавке, рассказывал новости. Да всё такие страшные: про взрывы, про пожары, про то, как на мирный поезд налетели фашистские самолёты и «ничего от того поезда не осталось — одна кровавая щепка...».

Прошло три недели, с тех пор как бабушка с Ларой приехали в Печенёво, и Санькины новости становились всё хуже, всё страшней.

Однажды утром он принёс известие, что возле соседнего села Тимонова видели наши отступающие войска.

— Замолчи! — прикрикнула на него Лара. — Вчера наши отступали, а сегодня, может, уже наступают. Мало ли что было вчера!

— Хорошо бы так! Только почему гремело всю ночь?

Лара сама слышала, как ночью гремело. Похоже было, что с запада движется гроза. Но в окошко девочке было видно, что крынка, которую тётя Дарья наткнула на плетень, блестит, словно её смазали маслом.

В бочке с водой, точно в чёрном зеркале, отражалась полная луна. Луна была жёлтая, как мёд, и висела над дядиным огородом так низко, что задевала за ветки укропа щекой.

Не бывает грома в ясную ночь. Девочку разбудили далёкие залпы пушек. Это не гроза надвигалась — надвигалась беда.

К утру канонада утихла, но на сердце не стало спокойнее. Все словно чего-то ждали. И после полудня уже через само Печенёво прошёл сильно поредевший батальон.

Ребята высыпали на улицу, и Лара хотела с ними, но бабушка не пустила. Бабушка сказала, что надо поскорее написать в Ленинград письмо и отправить с бойцами. Ведь деревенская почта уже не работает, и, не получая весточки, мать небось извелась.

Лара торопливо царапала по бумаге тупым карандашом.

А за окном слышался грузный топот и усталые, пропылённые голоса:

— Спасибо, дочка! Спасибо, сынок!

Это бойцы благодарили ребят, подававших им крынки с водой.

Кое-как письмо было написано, но батальон уже ушёл из деревни. Догнав на окраине запоздавшего красноармейца, девочка сунула ему в руку свой листок.

— Отцу, что ли, на фронт? — спросил он, закладывая бумагу за борт пилотки.

— Нет. Моего папу уже убили.

Красноармеец закашлялся, словно ему что-то попало в горло.

— Это письмо маме. Только оно без марки.

— Не тужи. Получит твоя мама письмо. Сиротское письмо и без марки дойдёт.

Он хотел уйти, но девочка, осмелев, вцепилась в его рукав. «А как же мы? Что будет с нами?» — с тревогой спрашивали круглые детские глаза.

Боец осторожно высвободил рукав:

— Эх, дочка! Не думай, что по вас душа не болит.

Догнав в поле товарищей, он обернулся. На окраине стояла толпа: заплаканные женщины, старик, опёршийся на костыль, белоголовые мальчишки, веснушчатые девчонки.

Скорбно глядя на уходивших, они молчаливо просили: «Возьмите и нас с собой».

Один за другим красноармейцы исчезали во ржи.

Последний раз колыхнулась рожь, и колыхнулась толпа от истощенного бабьего вопля:

— Голубчики, милые! Да на кого же вы нас покидаете?

Этот вопль вытолкнул Лару из толпы. Раз наши уходят, и она с ними. Она не останется здесь.

Сперва перед девочкой мелькали ржаные колосья, потом дорога свернула на луг. Он был вихрастый от лохматых рядов нечисто, по-бабьи скошенной травы. Колхоз запаздывал с сенокосом: рабочих рук не хватало.

Ветер с луга пахнул в лицо Ларе, и шаг её замедлился. Девочка остановилась. Сладкий запах вянущих трав напомнил ей бабушку.

Что она писала маме всего полчаса назад? Кого обещала беречь?

«Люди добрые, — скажет бабушка, — зачем мне жить никому не нужной? Не на сына я

надеялась, на внучку любимую. И она меня покинула, лапушка моя».

Закусив губы, девочка угрюмо смотрела на большие следы, отпечатавшиеся в дорожной пыли. Потом порывисто нагнулась и погладила их, как что-то живое и дорогое. Это она прощалась.

Она остаётся. Она не бросит бабушку в беде.

А где-то, как будто уже совсем близко, грянула пушка.

Лара вернулась домой только к вечеру. Опять было тихо, но уже никто не верил этой тишине.

Пастух поторопился пригнать стадо. Деревенская улица запахла коровьей шерстью и парным молоком.

Перед дядиным забором стояла, нагнув рогатую голову, рыжая корова. Она точно бодала закрытую калитку, удивляясь тому, что хозяйка не вышла её встречать.

— Тётя Дарья! — с порога крикнула девочка, — Корова с поля пришла. Идите доить.

Никто не ответил Ларе. Тётя Дарья сердито обмахивала передником красное, потное лицо. Дядя Родион, заложив руки за спину, стоял у окна. А в углу, за печкой, слышались жалобные всхлипывания. Это плакала бабушка.

— Что случилось? Кто обидел тебя?

— Выгоняют нас с тобой, лапушка!

— Что? Не выдумывай. Вы просто поругались. И тебе показалось сгоряча.

Девочка подбежала к дяде, хотела заглянуть ему в лицо. Пусть он не ответит, она узнает правду по его глазам. Дядя воровато отвёл глаза в сторону.

— Он не смеет! Мы не на его деньги жили на мамины.

— Кончились наши деньги, и стали мы, лапушка, лишние рты. Вот, говорит, и ступайте. Да куда ж мне с ребёнком из своего дома идти?

— А что в этом доме вашего? — криво усмехнулся дядя Родион. — Один сруб. Крышу и пол я на свои деньги стелил.

— И за этот гнилой сруб, — затараторила тётя Дарья, — мы должны последний кусок от своих детей отымать? Съела нас родня. Начисто съела. Ничего в доме нету — хоть шаром покати.

На столе, прикрытые льняным полотенцем, отпотевали три свежих каравая. К корке одного из них пристал уголёк, похожий на чёрный глаз.

Если бы этот черноглазый каравай мог говорить, он бы сказал тёте Дарье: не лги! И сахар в синеньких пачках сказал бы: не лги! И каждое зёрнышко риса...

Лара обняла бабушку за плечи:

— Баб, я тебя умоляю — уйдём отсюда скорей. Она отвела старушку в летнюю половину избы, где до сих пор они жили.

И снова полетели в чемодан трусы, тапки, бабушкина шаль, зубной порошок...

Дверь за спиной Лары то открывалась, то снова захлопывалась. Маленьким Мите и Мане очень нравилось, бегая взад-вперёд, доносить отцу:

— Лариска чемодан пакует!

— Бабкину перину скатала!

— Перину пушай! — прогудел издали дядюшкин голос. — Перина ихняя. Нашего бы чего не унесли...

Так вот что за личность дядя Родион! Теперь понятно, почему за обедом он всегда сидел хмурый. От жадности. Его злило, что гостей надо кормить.

Но ведь они ели очень мало: бабушка — потому что старенькая, а она, Лара, — потому что готовится в балерины. Балеринам нельзя толстеть.

Больше она не скажет этому человеку ни одного слова. И когда будет уезжать в Ленинград, то руки ему не подаст. Он выгнал бабушку из дома, он поступил со своей родной матерью как предатель. А предателям руки не дают.

— Лариска гитару забрала! — пискнули под дверь.

Лара сняла со стены гитару — подарок матери. По привычке тронула струну. Струна ответила ей, запела.

Только голос струны был прежним, вчерашним. А больше ничего не осталось от вчерашнего дня. Был у бабушки сын, был у бабушки дом родной — ни сына, ни дома нет.

— Пошли, бабушка!

— А куда, милоч?

— Куда-нибудь. Сделаем себе шалашик в лесу.

— В лесу, с медведями! Пускай он меня не жалеет — моя жизнь уже за воротами, но твоё сиротство он должен пожалеть. Поклонись дяде, Ларушка, поплачь...

— Он мне больше не дядя. Бабушка, пошли!

...Бабушка с Ларой шла по усадьбе под глухой гул голосов:

— Далеко ль собралась, Анастасия Ананьевна?

— Чего спрашивать: Родион выгоняет родню!

— Батюшки светы!.. Перину под деревом кинули, а гитарку несут.

— Идол бесчувственный! Совести у него нет.

Кричали на улице и на усадьбе соседей, где жила жена фронтовика и шестеро детей, тоже Михеенко по фамилии. Может, из-за этой одинаковой фамилии соседские Михеенко и кричали сейчас громче всех. Особенно старшая из шести, долговязая Рая.

— Ух, жадина! — выкрикивала Рая, и пятеро малышей хором подхватывали: «А-а-а!»

Им вторила ещё и другая, незнакомая Ларе девочка, низенькая и кругленькая, как колобок.

«А ну ещё громче! — мысленно подзадоривала их Лара. — Пусть он услышит, как люди его обзывают... Пусть».

И он услышал и испугался. У калитки Лару с бабушкой догнала запыхавшаяся тётя Дарья.

— Чего людей баламутите? Никто вас не гонит. Вон на усадьбе банька. Родя велел вам сказать: можете там жить.

— Какой добрый! — Лара побледнела от гнева. Им предлагает жить в баньке, которая топится по-чёрному — у печки нет трубы.

— Это не дом, это избушка на курьих ножках! Он просто смеётся над нами. Баб, не соглашайся, не смей!

— А крыша-то есть, — чуть слышно вздохнула бабушка, — всё же крыша над головой.

Бабушка ещё больше сгорбилась. Губы её дрожали, дрожала рука, которой она опиралась на Ларино плечо. Какой там шалашик! Бабушке плохо, хотя бы до баньки её довести.

Когда они подходили к баньке, завывало, заскрежетало небо. Из-за леса вынырнул один, другой, третий самолёт.

— Фашисты! — взвизгнул соседский мальчишка. Он первый увидел свастику на крыле.

И разом всё опустело. Страх расшвырял людей, как ветер расшвыривает сухую листву.

Самолёты промчались над Печенёвом не задерживаясь. Для них это была слишком ничтожная цель.

Но деревенские уже боялись выйти на улицу. В полном одиночестве Лара перетаскивала в баньку брошенные под деревом вещи. Ей никто не помогал. Понятно: чужие. Покричали, покричали и ушли. Если родные не пожалели, чего же ждать от чужих.

Смеркалось. От пруда сильнее потянуло болотной сыростью. Зло, по-ночному стали кусаться комары. Роса на траве блестела, как битое стекло.

Постелили на лавке перину, и бабушка легла. Лара сказала, что ещё посидит на крылечке, подумает.

— Кто ж ночью думает? Комары заедят. Уж лучше бы утром.

Но девочка уселась на крылечке, подперев щёку рукой.

Там, в дядином доме, она изо всех сил крепилась, но сейчас ей неудержимо хотелось реветь.

Одна. Бабушка не в счёт. О бабушке надо самой заботиться. Одна. Голодная, нищая, обиженная. Одна в чужой деревне. Без мамы, без друзей... В такое трудное время.

Вожатая говорила, что в трудную минуту пионер должен брать пример с мужественных советских людей. И, глотая слёзы, Лара стала перебирать в памяти женщин-героев. Она очень

уважает смелых лётчиц Гризодубову и Осипенко, но штурман Марина Раскова [2] ей как-то ближе. Может, потому, что на фотографии, напечатанной в газете, у Расковой тоже были тёмные глаза.

Решено: она выбирает Раскову. Теперь надо представить её себе как можно яснее. Не в славе, с Золотой Звездой Героя, а в трудную минуту, в беде.

Вот Раскова в лесу. Самолёт потерпел аварию, и его экипаж — три молодые женщины — очутился в дремучей тайге.

Есть им нечего. Даже воды нет. Раскова ищет лесные ягоды. Её одежда изорвана в клочья. Ей приходится спать на голой земле.

Но она не сдаётся. Раскова верит, что помощь придёт.

Надо верить. И она, Лара, хочет верить, она будет верить. Она согласна спать на земле и питаться лесными ягодами, но пусть у неё будет подруга. У Расковой их было две — Полина и Валентина, а Ларе хотя бы одну.

вернуться

2

Лётчицы Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и штурман Марина Раскова в 1938 году на самолёте «Родина» совершили самый дальний для женщин беспосадочный перелёт. Им, первым из женщин, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Загремела железная цепь. Дружок вылез из будки, посучил ногами, понюхал темноту.

На усадьбе был кто-то чужой. Чужой, но не враг, потому что собака приветливо махала хвостом.

За кустом сирени притаились два светлых пятнышка. Они шептались:

— Скажи лучше ты! Ну, Рая...

— Не дури мне голову. Ты принесла, ты и говори.

Одно пятнышко отделилось от куста и стало приближаться к крыльцу. Теперь Ларе хорошо были видны белые волосы и круглые щёки девочки-колобка.

— Это тебе, — пролепетала девочка, — небось вы вечером ничего не кушали. Только гляди не пролей.

В руках у Лары очутилась ещё чуть тёплая крынка с парным молоком, а девочка, освободившись от ноши, хотела снова нырнуть в тень.

— Пстой! Ты куда? — испугалась Лара.

Может, это к ней пришла та самая подруга, которой ей так не хватало? И она уходит! Надо что-то придумать, чтобы остановить её.

— Это просто невежливо!

— Чего, чего? — оторопела девочка.

— С моей стороны невежливо. Ведь я ещё спасибо тебе не сказала. Я даже не знаю, как тебя зовут.

— Ну, Фрося...

Девочка застенчиво поглаживала пяткой скрипучую, росную траву.

— А фамилия как?

— Кондруненко. Мы на том краю деревни живём. Когда отца взяли в армию, мы с Пустошки сюда переехали и корову с собой привели.

— Спасибо, Фрося.

— Ничего, не стоит. Насчёт молока не сомневайся: хорошее. Ой, да ты плачешь!

— От такой родни заревёшь! — откликнулось другое светлое пятнышко.

Это Рая подошла к крыльцу.

— Лариса, веришь, я тоже хотела, да наши ребята всё молоко выпили. Но ты не думай, что я за тебя не переживаю. Я даже очень переживаю. Хочешь, мы часок с тобой посидим?

И три девочки уселись рядышком на тесном крыльце.

Надо было спать, и Лара старалась уснуть. Она, как учила мама, лежала на правом боку, закрыв глаза. Но то ли в баньке сны вообще не водились, то ли они попрятались по углам, Лара никак не могла заснуть, всё думала о своих новых подругах.

Фрося такая добрая! Они даже не были знакомы, а она всё равно молоко принесла...

А Рая такая умная! Ещё бы, на два года старше. Может уже вступить в комсомол. Рая говорит, что завтра они с бабушкой должны идти в сельсовет. Лучше всего вместе с тимоновским учителем Николаем Максимовичем Синицыным. С ним считаются, он очень уважаемый человек.

Это посоветовала Рая, подруга. Подруга — как хорошо! Надо будет завтра рассказать Рае и Фросе про Марину Раскову и её верных подруг. Может, Фрося захочет взять себе в пример Полину Осипенко, а Рая — Гризодубову. Или наоборот, как они захотят.

Завтра она их об этом спросит. Или нет. Она просто им скажет: «Рая, Фрося! Давайте дружить на всю жизнь...»

Бабушка зашевелилась в своём углу, и Лара сразу же подняла голову.

Странно! Среди ночи вдруг рассвело.

На окне был стакан, из которого бабушка пила воду. Теперь у него стало жёлтое стекло.

А небо за окном было совсем оранжевое, как будто горячее.

Из кустов сирени выпорхнула птица. Её разбудил свет. Птица промчалась по оранжевому небу, словно чёрная стрела, словно крохотный самолёт.

И Лара подумала, что именно в ту сторону, где сейчас полыхает зарево, летели немецкие самолёты.

К рассвету зарево стало тускнеть, и усталая девочка уснула.

Проснулась она поздно. Бабушкина постель была пуста.

Бабушка встала уже давно. Она раздобыла хворосту, проковыряла в траве ямку для костра, поставила на таганок чайник.

Он был курносый, чумазый и горластый. Когда вода закипала, он начинал громко свистеть.

А сама бабушка, сидя под деревом, крошила в свою большую кружку какие-то корешки. Значит, собралась лечиться. Утренняя, вся в солнечных дырках тень дерева лежала на плечах у бабушки, словно кружевной чёрный платок.

— Опять корешки будешь пить! — сказала Лара, присаживаясь на корточки к огню. — Ну что ж, полечись, а потом мы пойдём в Тимоново. Ты, случайно, не знаешь, где мой пионерский галстук? Вчера вечером он лежал на окне.

Бабушка как-то странно посмотрела на Лару:

— Может, и лежал. Зачем он тебе? Сейчас не время его носить.

— Как раз самое время. Без пионерского галстука даже неудобно идти в сельсовет. А мы туда сегодня идём. Вместе с тобой, баб. Там за нас обязательно заступятся. Не дадут в обиду.

— Теперь уж никто за нас не заступится, — глухо сказала бабушка. — Некому заступиться. В деревне немцы.

Не может этого быть!

Лара бежала по улице под хриплый лай собак.

Бабушка плохо видит. Не разглядела бабушка. В Печенёве опять красноармейцы, а вовсе не немцы. Не может этого быть!..

Лара завернула за угол, но тут, загораживая путь, перед ней выросла мужская фигура — солдат с автоматом в руках. И девочка замерла. Это был не наш солдат. Это был немец. Фашист.

До сих пор Лара видела фашистов только на карикатурах и считала, что каждый из них чудище, урод. А у этого солдата было, пожалуй, даже красивое лицо. И всё же смотреть на него было гадко и страшно. Потому что он чужой.

Всё у него было чужое. И пуговица на куцей шинели чужая. И злые, холодные глаза. И голос, когда он выкрикнул чужое, непонятное слово:

— Цурюк! [3]

Должно быть, это значило: «нельзя». Но ведь она здесь живёт. Она всегда ходила по этой

улице. Почему же она теперь не может пройти?

— Цурюк! — пригрозил немец, вскидывая автомат.

Значит, если она послушается, этот фашист её убьёт. Значит, теперь ничего нельзя.

Нельзя свободно ходить по деревне. Нельзя запеть советскую песню. Нельзя жить, как привыкла. Нельзя.

Теперь, что бы она ни делала, куда бы она ни пошла, на пути встанет солдат в куцей шинели и будет цурюкать на неё своим немецким голосом. Теперь он здесь командует. Он — враг.

Куда от него убежать, куда кинуться?..

Девочка растерянно огляделась. Только сейчас она заметила, что чуть поодаль, на противоположной стороне улицы, толпится народ. Там были Фрося и Рая. И боком-боком — а вдруг и сюда нельзя, вдруг немец выстрелит! — Лара перешла улицу и приткнулась к ним.

Все смотрели на остановившуюся возле колодца немецкую машину. Её окружили солдаты в куцых шинелях. Но посреди круга перед немецким офицером понуро стоял человек в пиджаке.

Лара узнала его сразу: это был дядя Родион.

И сразу же девочка забыла, что дядя выгнал её из дома.

Какие могут быть счёты, какие обиды, если человек у фашистов в плену!

— Забрали! — взвизгнула Лара. — Моего дядю забрали!..

Она хотела рвануться на помощь, но Раины пальцы вцепились в её плечо.

— Куда! Кого пожалела, кого выручать собралась? Да он немцам, гадюка, проданся. Он теперь староста у нас.

— Думает на колхозном добре разжиться, — откликнулся из толпы чей-то молодой гневный голос.

А другой голос, постарше, добавил:

— Чего хорошего ждать от человека, который выгнал из дома родную мать...

Дядя Родион вытянул шею, прислушиваясь.

Обернулся и немецкий офицер. Он заметил выступившую из толпы большеглазую, кудрявую девочку.

Её каштановые волосы отливали на солнце рыжинкой. Будто искорки вспыхивали на завитках.

— Карош! — показывая переводчику на Лару, сказал офицер. — Карош!.. Ком гер, медхен! [4]

Но девочка уже исчезла в толпе. Подружки втолкнули её в калитку. И, прыгая, как коза по чужим огородам, Лара помчалась домой.

Она была такая бледная, что бабушка ахнула:

— Милок! Да на тебе лица нет...

— Бабушка, это правда: в деревне немцы. Я их сама видела. И он с ними — дядя Родион.

— Всё знаю. — Бабушка заморгала и отвернулась к костру.

А самый главный немец на меня пальцем тыкал. Он говорил: «Карош, карош...»

— Ах, погань!

Бабушка взяла палку и решительно разгребла уже потухший костёр.

Зола зашипела, покрылась огненной сыпью. Это, злясь, что их потревожили, вспыхнули угольки и сейчас же опять погасли, подёрнулись сизым.

вернуться

3

Назад! (нем.)

вернуться

4

Подойди сюда, девочка! (нем.)

— Помажься золой, — строго сказала бабушка, — небось тогда не будешь «хорош». Да не сейчас мажься, повремени. Дай жару остынуть.

Но девочка уже нагнулась к костру. Она заметила в золе красное пятнышко. Только это был не уголёк, а кусок материи, обгоревший клочок кумача.

Лара пронзительно взглянула на бабушку, а та виновато опустила седую голову. Теперь Лара всё поняла.

— Это ты, ты... — Девочка задыхалась. — Как ты посмела!..

— Со страху, милоч. Фашист-то, он красного не любит. Думаю, начнут девчонку таскать. Вот я твой красный галстук в огонь — и спалила. Ну, что молчишь? Пошуми, поругай меня — хоть душу отведёшь.

Но девочка молчала, широко раскрытыми глазами глядя вдаль. Где они сейчас-ребята, с которыми она росла, дружила, училась? Где её родной пионерский отряд?

Если бы она могла их увидеть! Хоть кого-нибудь... Хотя бы Валерку, который дёргал её за косу. Пусть, пусть бы он дёрнул её сейчас!..

Может, они собрались в том самом зале, где её принимали в пионеры и перед лицом товарищей, перед красным знаменем она дала торжественное обещание, она поклялась.

Может, они говорят о ней. И никто-ни Наташа, ни Лида, ни Вова — не знает, какая с ней

стряслась беда.

Забрали бабушкину деревню фашисты. Нет больше над сельсоветом красного знамени, и красного пионерского галстука у неё больше нет.

Но и без галстука она останется пионеркой.

— Ребята! Вы слышите, вы верите мне, ребята? Наш пионерский отряд я не подведу.

— Чего бормочешь? — робко спросила бабушка. — Серчаешь ещё на меня?

Давно погасли в костре угольки. Но среди серой, мёртвой золы по-прежнему пламенел клочок кумача, словно яркая, непотухающая искра.

Глава II

Пропали три девочки

Холодно. Очень холодно. Синий-синий лежит на полях снег. Должно быть, самому снегу холодно, оттого он закорявел и посинел.

Лопаются от стужи кора на деревьях, птицы замерзают на лету.

А недавно в поле нашли замёрзшую женщину. В её мёртвой руке был мешочек с хлебными корками. Окоченевшие пальцы не разжимались, женщину так и похоронили с мешочком.

Наверное, беженка. Их теперь много бродит по просёлочным дорогам, беженцев из сожжённых немцами деревень. Чаще всего под окнами слышится детский голос:

— Подайте хлебушка, люди добрые! Подайте сироте!

Стали побираться и местные ребята. Видно, и внукам тимоновского учителя Николая Максимовича Синицына придётся стоять под окнами с протянутой рукой.

В один день они лишились и деда и матери. Кто-то донёс, что у старого учителя есть радиоприёмник, в его доме слушают Москву.

Когда Николая Максимовича вели по деревенской улице, за арестованным следовала целая ватага мальчишек, его учеников. Но солдат выстрелил в воздух, и ребят разметало по сторонам, как воробьиную стайку.

Старого учителя и его дочку Марию Николаевну расстреляли в Пустошке, на буграх возле МТС.

Каждый русский, кому случается проходить мимо этих страшных бугров или мимо базарной площади, где немцы поставили виселицу, каждый, и старик и мальчишка, снимает шапку, как бы ни был силен мороз.

Холодно. Очень холодно. Но у забора пустошкинского лагеря что ни день стоят на снегу женщины с кошёлками в руках. В кошёлках нехитрые деревенские гостинцы: печёная картошка, луковица, хлеб. Черствеет хлеб, и твёрдой, как лёд, становится картошка, а женщины всё стоят. Всё надеются, что сжалится начальник лагеря и разрешит принять передачу для их несчастных детей.

Что с ними будет? То ли уморят в лагере на тяжёлых работах, то ли угонят в Германию на чужбину...

Над забором в пять рядов колючая проволока. Больно глазам на неё смотреть. Больно небу, в которое она впилась.

Стоят на снегу матери, седые от стужи и горя, и тихонько переговариваются между собой:

— Сколько ни хожу, не добьюсь толку. Может, нет уж моей Оленьки в живых...

— А я своего Ванюшку выглядываю. Хоть бы в щёлочку поглядеть на сынка!

Холодно. Очень холодно.

Звенит на ветру колючая проволока. Льдинки, как слёзы, блестят на её шипах. Кажется, всё вокруг плачет: и ветер, и люди, и деревья в лесу, и былинки в поле — вся потоптанная врагом русская земля.

Они не сговаривались, но каждая из трёх подружек решила: школу, какая сейчас при немцах в Тимонове, не признавать.

Портрета Ленина там не увидишь. Лучшего тимоновского учителя немцы казнили. И чему там учиться? Придумали тоже «науку» — божий закон. Да разве может бог издавать законы, когда его самого, бога, нет?

Это чужая, это не настоящая школа — пионеры не могут туда ходить.

Но без своей, настоящей школы Лара очень скучала. Даже пальцы скучали. Встанет Лара у двери — пальцы пишут на дверной притолоке, сядет на лавку-пальцы чертят по лавке. Ни чернил, ни бумаги в избушке не было, а пальцам хотелось писать.

Вот и сегодня, по школьной привычке проснувшись рано, Лара первым делом потянулась к окну. Что, если попробовать писать по замёрзшему стеклу ногтем?

Однако лёд был таким толстым, что ноготь гнулся. Да и жаль было портить нарисованный морозом узор. За ночь на стекле вырос лес — сказочный, ледяной, хрустальный. И, глядя на него, Лара стала думать о настоящем лесе и о них, о людях в лесу.

Это случилось в прошлом году, в сентябре. Три подружки пошли в лес по грибы...

В воздухе бесшумно вспыхивали золотые длинные искры — летала осенняя паутина. Огненные макушки берёз были похожи на рыжие лисьи хвосты.

Грибов было мало. Изредка попадались червивые рыжики да позеленевшие от старости моховики.

Лара вздумала обшарить ёлки, росшие по краю поляны, полезла под дерево, и её правый глаз закосил от волнения: между кустами папоротника виднелись мужские сапоги.

Ещё секунда, и она бы вскрикнула. Но прятанный за деревом бородатый незнакомец приложил палец к губам, и девочка промолчала. Тогда он вполголоса позвал кого-то невидимого:

— Не бойтесь, это ребята — хороший народ.

Кусты раздвинулись, и на поляну навстречу девочкам вышли двое мужчин.

Люди незнакомые, кто знает — хорошие или плохие. Рая и Лара уже готовы были бежать, но их остановил голос Фроси. Она спокойно и весело поздоровалась с незнакомцем.

— Хоть вы с бородой, а я вас сразу признала. Наша семья до войны тоже в Пустошке жила.

— И ты уверена, что видела в Пустошке именно меня?

— А как же! Вы в школу к нам приходили. Меня ещё по географии спрашивали. Значит, при немцах вы больше по школам не ходите?

— Я вижу, вы сами, ребята, в школу не ходите. А как вы, так и мы.

Девочки засмеялись. Раз шутит, и глаза добрые и бывал в школах — это свой человек. Ему можно без страха ответить, где ты живёшь и как тебя зовут. Больше всего заинтересовала незнакомца Фросина фамилия.

— Кондруненко... Я знал Кондруненко Ивана: организатор первых колхозов, коммунист.

— Так это же мой папа! — сказала Фрося. — Папа на фронте, а мы от бомбёжки в Печенёво подались. Там спокойней. Деревня маленькая. У нас даже немцы не стоят, только наезжают по временам.

Незнакомец переглянулся с товарищем и стал расспрашивать Фросю, как разыскать в Печенёве их дом, как имя и отчество её мамы.

— Она не испугается, если как-нибудь в неурочный час мы постучимся в окошко? Твоя мама могла бы нам помочь кое-что разузнать. Жене коммуниста мы доверяем. А вас, девочки, я прошу дать пионерское слово, что больше никому не расскажете про нашу встречу в лесу.

— Честное пионерское! — хором сказали подружки.

А Лара успела прибавить:

— Честное пионерское, я тоже могу вам узнать всё, что нужно. Почему только Кондруенкам? Постучите мне. Вы увидите — я пригожусь.

Потом Фрося сказала подругам, что в лесу с ними разговаривал бывший заведующий Пустошкинским роно Кулеш. Но Ларе не так уж важна была фамилия. Важно, что этот человек ушёл в лес, не желая покориться врагу, стал партизаном. И он поведёт за собой других, потому что он коммунист.

...С тех пор девочка стала ждать. Она ждала и сегодня, глядя на заледеневшее окно. Может, людям из леса всё-таки понадобится её помощь? Может, сегодня ей постучат?

И, словно в ответ девочке, оконное стекло задребезжало.

Кто-то снаружи постучал по нему пальцем: тук, тук, тук...

Партизаны поверили, что она пригодится. За ней пришли! Девочка прильнула к окну, но вместо мужского баса она услышала писклявый мальчишеский голос:

— Лариска! Я жду. Давай выходи.

Это стучались не люди из леса, это стучался Санька. Он уже давно побирался, и бабушка давно посылала с ним Лару, но девочка уверяла бабушку, что она заработает.

— Вот увидишь, я заработаю. А просить милостыню мне стыдно. Потерпим ещё немного, баб!

Бабушка долго терпела, зная, как трудно заработать зимой в разорённой, нищей деревне. Но вчера больная, голодная бабушка заплакала:

— Господи! Чем так мучиться, прибрал бы ты меня поскорей!

И Лара не выдержала. Хорошо. Если Санька завтра пойдёт побираться в Тимоново, пусть он ей постучит.

Вот он и постучал.

Причесаться было недолго: все деревенские девчонки, боясь сыпного тифа, подстриглись. И у Лары теперь были короткие волосы. Одеться тоже было недолго. Но девочка медлила.

Имеет она право в последний раз спросить бабушку: «Может, потерпим ещё немного, баб?»

Из-под рваного одеяла высовывалась бабушкина рука, плоская от худобы, как дощечка. А что, если бабушка умрёт? Умрёт из-за того, что её гордая внучка стыдилась просить милостыню? Как будто со вчерашнего дня рука стала меньше. Как будто рука тает.

Нет, раздумывать нечего. Надо сегодня же принести из Тимонова хоть несколько корок. Бабушка больше не может терпеть.

Печенёвские крыши скрылись вдаль. Теперь ничего не было видно, кроме снега и неба, белёсого как снег.

Порывами налетал ветер, перемешивая белое небо с белой землёй. Дорога начинала струиться, и Ларе казалось, что это уже не дорога, а серебристая река. Они плывут против течениями их сносит. Вон как уже далеко отнесло мальчика и девочку — беженцев, которых Санька зазвал в компанию. Они не могут поспеть за своим вожак.

— Саня, надо бы подождать ребят.

— Да с этими косолапыми нам до ночи не дойти! Эй, вы! Заснули или примёрзли к дороге? Долго ещё вас ждать?

Девочка не обратила на Санькин окрик никакого внимания. Иногда она останавливалась, низко нагнув голову, будто чего-то искала; иногда шумно всплёскивала руками. Слышно было, как она разговаривает сама с собой.

Но мальчик, прибавив шаг, догнал нетерпеливо поджидавшего его Саньку.

— Она тебе кто? — Санька кивнул на девочку. — Сестра?

Мальчик испуганно заморгал.

— Сестра.

— Дурочка, что ли?

— Не... Хворая. Пожара испугалась. Немцы нашу деревню пожгли.

— Хворым надо дома сидеть. Зачем ты её на мороз поволок?

Мальчик потупился.

— Её люди жалеют. Ей другой раз даже сала дадут.

— Эх! — скрипнул зубами Санька. — Ну ладно. Сейчас не об этом разговор. Пусть голова у неё дурная, но ноги-то не дурные? Может она скорее идти?

— Не... Шибче она не может. Ноги стоптала. Мы сдалёка, с Белоруссии. Всё бегли и бегли. Хотели от немца убесть.

Больная девочка, оставшись одна, встрепелась и начала торопливо ковылять по дороге. Санька угрюмо рассматривал её ноги, замотанные тряпьем.

— Так, так.... - подбадривал сестрёнку мальчик-беженец. — Вы говорите «дурочка», а я вам скажу: наша Марийка всё понимает. Дай немец ей хлеба — какая бы она ни была голодная, у немца не возьмёт.

Больная девочка вплотную подошла к ребятам, но её странно блестящие глаза смотрели мимо.

— Чуете? — Лицо больной исказилось от страха. — Чуете? Палёным воняет. Опять немцы кого-то жгут.

— Не слушайте её, — вздохнул мальчик, — ей всюду пожар чудится.

Санька для проверки шмыгнул носом.

— А вот и не чудится. Точно: палёным воняет. Понюхай-ка сам.

Четыре носа нюхали воздух, щекотно пахнувший дымом. Ребята шли по запаху, как по следу. Запах становился всё гуще.

Вдали блеснуло пламя, особенно яркое среди снежной белизны. Горело не в деревне, горело на берегу реки.

— Фью! — свистнул Санька. — Не бывать нам сегодня в Тимонове!.. Ведь это горит тимоновский мост!

Когда четверо оборвышей добрались до речки, деревянный мост уже догорал. Между сваями по-весеннему темнела полынья. В ней, как чёрные сомы, плавали головешки.

Снег возле моста был волосатый от усыпавшей его сеной трухи.

— А куда же девались фрицы? — Санька посмотрел в сторону Тимонова, где стояла немецкая часть. — Почему не любят на свою работу? Подождли мост и смылись? Эге! Едет машина. Ребята, в засаду, за мной!

Все побежали, а больная девочка упала и стала ползти по снегу на карачках. Девочкин брат и Санька подхватили её под мышки и уволокли за бугор.

Санька выбрал удобный наблюдательный пункт. Восемь ребячьих глаз следили за немецкой машиной, которая, ныряя по ухабам, подъехала к речке. Из машины выскочили немцы и тараканами забегали по снегу.

— Ругаются, — пояснил Санька, прислушиваясь к немецкому говору, — вроде им не понравилось. Вроде им это в диковину самим.

Офицер угрюмо смотрел на дымящиеся сваи. Потом он что-то сказал сопровождавшему его солдату, и тот отправился на разведку к полынье. Но лёд под ним зашипел, и солдат зигзагами побежал к берегу. Видно, он здорово перетрусил. Даже спина у него была испуганная.

За бугром злорадно хихикнули.

— Не нравится, — ёрзая животом по снегу, повторил Санька, — лопни мои глаза, не нравится. Как же теперь они будут ездить по деревням, грабить народ? Сами себе напортили, дураки!

Сами? Лёжа на снегу рядом с Санькой, Лара жадно вглядывалась в трепещущий на ветру огонь. Нет, не сами.

Если она раньше только смутно догадывалась, то теперь она знала наверняка. Люди ушли в лес не для того, чтобы прятаться, а чтобы бороться с врагом. И огонь у реки для девочки был сигналом, что борьба началась.

— Ребята! — Голос Лары звенел от волнения. — Это не немцы. Это партизаны. Слышите: это наши во вред немцу сожгли мост!

— Наши! — как эхо, повторили мальчики, а больная девочка по-птичьей радостно пискнула.

Машина повернула обратно к Тимонову. Немцы не рискнули переезжать речку по льду. Ларе даже стало жарко от радости. Вот когда она может крикнуть немецким солдатам их же обидное слово:

— Цурюк!

Больше Лара не хотела прятаться. Она стояла во весь рост, и ветер развеивал её кудрявые волосы.

— Цурюк! — подхватили мальчишки, выскакивая из-за бугра.

Они прыгали по снегу, как зайцы. Они танцевали какой-то дикий, бешеный танец. Только больная девочка не могла прыгать на своих стёртых ногах. Но она усердно хлопала в ладоши, приговаривая:

— Цурюк! Цурюк! — И вдруг она взвизгнула: — Ой, лихо! Никак, немцы вертаются!

Все бросились врассыпную — кто куда.

Тимоновский мост починили, он сгорел снова. Он горел шесть раз, но деревенские мальчишки уже не считали это событием. Горели другие мосты, казармы, продуктовые склады. Взрывались на минах машины. Партизаны громили немецкие гарнизоны. На дорогах находили трупы неизвестно кем убитых немецких солдат.

Фашисты не могли понять: где и когда ожидать удара противника. Он нападал внезапно, он был неуловим. Порой фашистам казалось, что с ними воюют не только люди, но берёзы и ели,

холмы и болота — вся захваченная ими чужая земля. Немцев стала не на шутку тревожить эта разраставшаяся партизанская война...

Как-то летом, придя в Тимоново, Лара увидела толпу перед домом, где раньше был сельсовет. Должно быть, немецкий офицер сообщал что-то важное, если сюда согнали даже стариков и детей. Пока переводчик, запинаясь, подбирал нужные слова, офицер, словно кого-то выискивая, всматривался в толпу. Его узкое вытянутое лицо напоминало морду щуки.

— ...приметы двух Иванов, — донеслось до Лары. — Иван-главарь — глаза голубые, волосы русые, возраст тридцать лет. Иван, его помощник, возраст четырнадцать лет.

Толпа всколыхнулась.

— Господи! — прошептала женщина, стоявшая возле Лары. — До того невтерпёж стало народу — дети пошли воевать!

— ...они не есть солдаты, они есть бандиты. Сегодня они стреляют немца, завтра будут стрелять тебя и тебя! — Переводчик несколько раз ткнул в толпу пальцем. — Немецкое командование предупреждает: кто кормит и прячет бандита, тот сам есть бандит и будет казнён. Однако разумный русский человек, который поможет ловить бандита, получит награда...

Толпа расходилась молча. Свернув на боковую улицу, Лара услышала детский голос:

— Дедушка! Они его не поймают, Ваньку Бандитёнка?

— Сами они бандиты. Даст бог, не поймают. Лес убережёт.

С тех пор Лара часто думала о мальчике, которого шутливо и ласково прозвали Бандитёнком. Его историю она выучила наизусть...

...Жила в Белоруссии семья Ивченко. Жила счастливо, пока не грянула война. Остался Ваня Ивченко без дома, без крова, без матери, без отца. Пошёл Ваня в лес куда глаза глядят. И пропал бы он от голода, если бы в лесу ему не встретился большой Иван. У него был станковый пулемёт без колёс, и стали два Ивана косить из пулемёта врага...

Может, когда-нибудь и ей, Ларе, повезёт и она с ними встретится или с другими партизанами. Каждый раз, отправляясь в лес за грибами, за ягодами, Лара про себя повторяла: «Хочу, чтоб это было сегодня! Хочу, чтоб сегодня!»

И в один из августовских дней её желание сбылось.

На этот раз с подружками увязался Санька. Минуя Домашнее болото, минуя Пирожные горушки, где много можжевельника, которым хозяйки парят крынки, чтоб не скисало молоко, Санька завёл девочек в Тимоновский лес. Тут их и окликнули:

— Ребята, вы откуда и что здесь делаете?

Чернявый парень с винтовкой вырос словно из-под земли.

— Мы печенёвские, грибы ищем. — Санька не сводил глаз с винтовки.

— Сколько вас?

— Да все тут.

Чернявый тихонько посвистел, и из-за деревьев показались ещё двое. Но расспрашивать ребят о ближайших деревнях стал один, про которого Лара подумала: это командир. В его движениях чувствовались подтянутость, военная выправка, лицо было чисто выбрито. Подумать только — бреется в лесу!

Санька сказал, что ближе всего отсюда Тимоново, с косогора видны его крыши, но в селе стоят немцы.

— И много их?

— Много... — Санька зажмурился. — Человек... сто!

— Хватил! — не вытерпела Лара. — Не сто, а пятьдесят.

— А вы бы не могли сбегать в Тимоново и, не поднимая шума, узнать поточнее? И заодно принести нам хлеба, — сказал командир.

— Золотые ваши слова, — радостно закивал чернявый. — Уже три дня постимся, этак и вовсе ссохнутся кишки.

Ребята бросились бежать, но Лара медлила. Конечно, она думает, она почти не сомневается, но всё же она должна знать наверняка.

— А чем вы докажете, что вы партизаны?

Чернявый повертел дулом винтовки перед Лариным носом.

— А это ты видела?

— Вот и не доказали: у полицаев тоже есть оружие.

— Ну и заноза!

Чернявый был возмущён Лариной дерзостью, но командир смотрел на девочку с любопытством.

— Если б мы были полицаи, зачем нам играть с немцами в прятки? Согласна? Ну так беги, догоняй ребят.

Часа через два босоногая команда вернулась. Ребята принесли хлеба и сала, в корзинке у Лары и Саньки оказалась ещё и брюква. Нетрудно было догадаться, как она им досталась. Лара почёсывала коленки — до чего же жгучая на огороде крапива! — у Саньки на штанах красовалась дыра.

Командир и его товарищ отрезали себе немного хлеба, остальное чернявый унёс в чашу и вернулся с пустой корзинкой. Ясно, что в лесу были ещё люди. Может, и Ваня Бандитёнок там?

Лара внимательно посмотрела на командира. Всё вроде сходилось: возраст — тридцать лет, глаза голубые, волосы русые...

— Скажите, вы не Иван?

— До сих пор Петром звали. А какого Ивана вы ищете?

— Мы двоих ищем! У них пулемёт без колёс! — Ребята рассказывали наперебой.

— Станковый пулемёт, хоть и без колёс, хорошая штука, но воевать вдвоём... — Командир покачал головой. — Будет случай, посылайте Иванов к нам за озеро Язно. И ещё, ребята, одно поручение. Только надо выполнить его аккуратно, чтоб комар носа не подточил...

В конце дня — время, назначенное командиром, — босоногая команда снова появилась в Тимонове. Две девочки свернули налево, мальчик и девочка направо. Лара толкнула Саньку локтем. По деревенской улице шёл, сопровождаемый переводчиком, офицер.

— Саня, нам повезло! Видишь «щуку»?

Ребята прибавили шагу, чтоб догнать «щуку».

— Партизаны! — взвизгнула Лара.

Офицер резко обернулся, тяжёлая рука сдавила девчонкино плечо. Где она видела бандитов?

И Лара стала рассказывать так, как научил ребят командир. Она с братом собирала грибы в Тимоновском лесу и очень испугалась людей с винтовками. Нет, они её не видели, она спряталась в кустах. Сколько их было? Человек десять. Куда они пошли? Она слышала, как они говорили про Ольховку.

Пока Лару допрашивали, к офицеру торопливо подошёл солдат. Он докладывал на своём языке, но такие слова, как «партизан», «Ольхофка», переводить не надо, да Лара к тому же знала, что «десять» по-немецки «цеен». Значит, и подружки выполнили партизанское поручение. Теперь им поверят. «Щука» попадётся на крючок!

Пошарив в карманах, офицер протянул Ларе конфетку.

— А мне? — завопил Санька. — Я тоже видел! Вот, десять Иванов! — Санька растопырил на обеих руках пальцы: — Я тоже считал!

Но переводчик оттолкнул Саньку, сказав, что сестра поделится с братом, что господину офицеру некогда, он спешит.

А через несколько дней все соседние с Тимоновом деревни облетела новость: погнавшись за партизанами, немецкий отряд попал в засаду. Из семидесяти гитлеровцев немногие остались в живых.

Лара с Санькой обсуждали эту новость, сидя на заборе.

— Знаешь, я не очень понимаю, — признался Санька, — как десять партизан...

— Не десять, а сто десять! — засмеялась Лара. — Если не двести!

— Но командир сказал сам...

— Неужели ты не понял, что это была военная хитрость? Я догадалась сразу. У командира были такие хитрые глаза.

В Тимоново привезли новых солдат, но пополнения просили и другие немецкие гарнизоны. Партизаны действовали всё смелей, их силы прибывали. И в русских, и в белорусских, и в прибалтийских деревнях теперь хорошо знали, что есть среди густых лесов неподвластная немцам земля и зовётся она «Партизанский край».

Говорили, что туда подались и два Ивана. Теперь их не два, а целый отряд, и каждый боец в этом отряде носит имя Иван.

Немцы пытались подкупить население. За голову партизанки учительницы Елены Подрезовой была обещана награда. Но желающих получить эту награду не нашлось.

Немцы надеялись, что их союзниками в войне с партизанами будут зимний холод и голод. Однако в Партизанский край пробрался обоз с продуктами и тёплой одеждой. Кто снаряжал обоз? Кто помогал партизанам? По деревенским избам зашарили полицаи.

— Дед! Мы пришли к тебе валенки купить. Цену дадим хорошую.

— Да я сам босой. Придётся зиму сиднем сидеть на печи.

— А где ж твои валенки? Помнится, они были крепкие.

— Да что вы! Не валенки, а решето. Я их спалил.

Полицаи чувствовали, что дед хитрит. Кто-то топает в его валенках по партизанскому лесу. Но попробуй докажи!

Немцы считали, что на занятой их войсками земле с Советской властью покончено. И вдруг они слышат, что под носом у них, в деревне Морозово, русские люди отпраздновали освобождение Красной Армией города Великие Луки. На собрание явилось триста человек молодёжи из тридцати оккупированных сёл и деревень.

Кто эти люди? И опять по избам зашныряли полицаи.

— Что-то тебя, красотка, целую неделю на улице не было видно?

— Потому что хвораю. Дома сижу.

— А на собрание в Морозово ходить не хвораю?

— Какое собрание? Я про него не знаю. Чего вы ко мне пристали?

Это она — хвораю? Не девка, а репка! Наверное, и на собрании была, и с партизанами знакома. Но попробуй докажи!

Немцы решили отучить население помогать партизанам. Если виновники не находятся, значит, виновата вся деревня. В деревне Старый Двор каратели загнали в сарай и сожгли живьём пятьдесят женщин и детей.

Каратели никого не щадили. Когда на улице появлялись немецкие солдаты в чёрных мундирах, деревенские знали: это идёт смерть.

Вдова казнённого тимоновского учителя давно приготовилась к смерти. Но что будет с её бедными внучатами?!

В ночь с четверга на пятницу чёрные мундиры нагрянули к Сеницыным. Но дом был пуст. Семья Сеницыных куда-то исчезла.

Соседи клялись, что в эти дни никто к Сеницыным не заходил. И только бабке Арине почудилось, что в четверг вечером под окнами сеницынского дома кружила серая тень.

— И метель кружит, и «он» кружит, — рассказывала бабка Арина. — А потом шмыг в учительский дом! Тут я, милые мои, и догадалась, что это душа Николая Максимовича приходила и увела родню с собой.

У Лары было совсем другое мнение насчёт того, кто увёл семью Сеницыных. И поделиться своими мыслями она побежала к Фросе, брат которой, Петя, уже два месяца томился в немецком лагере.

На усадьбе у Кондруненко мелькнул цветастый платок. Но Лара не окликнула подругу, и платок скрылся в сарае. Так даже удобней. В сарае они и поговорят.

С крыши сарая свешивались сосульки, короткие и острые, как зубья бороны. Лара потянула тяжёлую дверь: заперто. Ну и трусишка Фрося: середь бела дня заперлась.

— Открой, это я.

За запертой дверью молчали.

— Ты что же, своих не узнаёшь?

В сарае зашелестело сено и кто-то чихнул. Громко, по-взрослому. Видно, Фрося нашла себе подружку постарше, а на тех, кто моложе, ей наплевать.

— Если ты сию же минуту не откроешь, между нами будет всё кончено. Поняла?

Дверь неохотно приоткрылась, но как только Лара вскочила в сарай, засов снова задвинулся.

— Тише! — У Фроси сегодня было удивительно неприветливое лицо. — Ну, чего шум подняла?

— А ты любишь потихоньку секретничать. Кто здесь чихал?

— Чудачка же ты, Лариса! Это корова чихала. Простыла наша корова. Я тёплого пойла ей принесла.

Лара недоверчиво огляделась. В левой стороне сарая серебрилось сложенное сено, справа за дощатой перегородкой виднелся пегий коровий бок. Фрося покачивала в руках закрытое крышкой ведро.

— А я и не знала, что коровы чихают. Ну хорошо. Пусть чихает себе на здоровье. Фрося, я должна рассказать тебе очень важное.

— Сейчас больно некогда. Забеги вечерком.

— Нет, откладывать нельзя. Здесь нас никто не подслушает?

Фрося пожала плечами. Она смотрела не на подругу — на сено. Как будто сено ей интереснее всего.

— Я пришла к тебе первой потому, что у тебя брат в немецком лагере. Теперь ему уже недолго сидеть. Партизаны спасли Синицыных, скоро они освободят Петю.

Фрося вздрогнула. То ли от Лариных слов, то ли оттого, что в сарае раздалось громкое «апчхи!». Нет, это не корова чихала. Сено зашевелилось и зелёной лавиной хлынуло вниз. В сене было устроено что-то вроде медвежьей берлоги, из этой берлоги, отряхиваясь, вылезал человек.

Может, и правда на свете бывают привидения? Как попал в сарай Петя Кондруненко? Да и он ли это? Худой, бледный... Прежними остались лишь глаза.

— Тише! — предупредил девочку Петя. Теперь Лара поняла, почему Фрося не позволяла шуметь. Вот кто умеет хранить тайну! Прячет у себя в сарае беглого брата, и ничего по ней не узнаешь. Всё такая же спокойная, ровная, как была. Петя потянулся, расправил плечи.

— Столько лежать — затекёшь: руки будто не свои. Присаживайся, Лариса.

Девочка нерешительно присела на ворох сена, но потом, осмелев, стала придвигаться всё ближе и ближе и дотронулась до Пети рукой.

— Проверяешь, я или не я? Можешь не сомневаться.

— Ох, Петя, даже не верится! Как же тебе удалось сбежать оттуда?

— Неважно как, важно, что удалось. А теперь рассказывай всё, что знаешь про партизан.

— Хочешь уйти к ним?

— Хочу жить по-русски, по-советски, а не по-немецки. А за это надо сражаться, жизни не жалея, иначе войну не выиграешь. Не для того я бежал из лагеря, чтоб в сарае сидеть.

— Ишь расшумелся! — рассердилась на брата Фрося. — И зачем вылез! Но раз уж вылез, изволь горячего поест. Тебя, Лариса, я дома покормлю, и бабушке отнесёшь.

Фрося сняла с ведра крышку и вытащила чугунок с картошкой. А ведь говорила, что пойло корове...

Пока Петя ел, а Лара рассказывала ему про исчезновение семьи учителя, Фрося сторожила во дворе, для вида расчищая снег. Но вот она замурлыкала песенку. Это означало: на деревенской улице появились люди, надо прекратить разговор.

— И вообще у меня к тебе просьба, Лариса, — сказала Фрося, навешивая на дверь замок.

— Да, пожалуйста. Всё, что хочешь.

Лара смотрела на подругу с восхищением. Какая выдержка! Даже зависть берёт!

— Пока он здесь, не ходи к нам: можно на след навести. Будет время, я сама к тебе забегу. Ты не обиделась?

— Нет.

Как Ларе ни было грустно, но она понимала, что Фрося права.

Два дня мела метель. Будку Дружка занесло по самую крышу. Люди сослепа спотыкались о заборы: в метель, как ночью, дороги не разберёшь.

Только на третий день утихло. В небе засияла просинь, словно кто-то продул в толще облаков дырочку, как это делают ребята, дыша на замёрзшее окно.

Из голубой щёлки на землю смотрело солнце. Лара вышла во двор и зажмурилась. Тысячи крохотных алмазных радуг сверкали на снегу.

В кустах сирени серебряным бубенчиком звенел птичий голос. Лара узнала уже по-весеннему длинную песню большой синицы. Бабушка научила девочку понимать синичий язык.

«Коли синица запела, недолго морозу лютовать, — говорила бабушка, — весну несёт солнышко. Оно и снег топит, и ночь коротит. И синица раньше всех чует, что день прибыл. Слышь, как она выговаривает: свет, свет, свет!»

На кусте сирени пела синица, а чуть поодаль, увязая в глубоком снегу, по усадьбе пробирался кто-то низенький, кругленький, в цветастом платке.

— Фрося!

— А ты не видишь? — о Ларино плечо ударился снежок.

— Ах, так! Ну, погоди!

В ту же минуту весь Фросин полушубок был залеплен снежками.

— Хватит. Ну хватит, Лариса. Я на минутку. Хотела тебе сказать...

— Ушёл? — догадалась Лара.

— Ага. Нынче в ночь. Там и два Ивана, и Синицыны...

«Свет, свет, свет...» — вызванивала синица.

И в душе у девочки пело по-синичьи: свет, свет! Как бы ни было трудно, свет победит тьму, победит свет!

Прошло больше года. Опять наступила весна, вторая весна с тех пор, как дядя Родион стал печенёвским старостой. Тогда ему казалось, что война кончилась: деревней завладели немцы и надо к ним принаравливаться, надо думать о себе.

Но теперь он видел, что война не кончилась, она стала войной народа. В партизаны уходили и девушки и старики.

Как они не боялись? Этого он не мог понять. Сам он жил между двух огней, в вечном страхе. Не донесёшь — немцы узнают, казнят. Но если партизаны узнают, что он донёс, — партизаны его не помилуют.

Весной разнёсся слух, что в деревне, где-то неподалёку, партизаны застрелили предателя-старосту. Дядя Родион стал ходить по улицам оглядываясь. Его пугала собственная тень.

Ночью он вскакивал с постели.

— Даша! У нас под окнами кто-то ходит.

— Ничего не слышать. Приснилось тебе.

— Слышь, ставень дёрнули: меня выгладают. Но я никого не выдал. Петька Кондруненко приходил повидаться с матерью. В немецкую форму переоделся, наглец. Я виду не подал, что узнал Петьку. На всё глаза закрываю. За что же меня казнить?

— Да ты совсем хворый, Родя! Что мне делать с тобой!

Тётя Дарья отправилась в церковь в Неведро, поставила свечу перед иконой Николая-угодника, заказала молебен за здоровье болящего раба божьего Родиона. Но и молебен не помог.

И тогда тётя Дарья решилась на последнее средство. Насыпала в кулёчек муки и впервые за два года пошла навестить свекровь.

Она нарочно выбрала время, когда мужа не было дома: печенёвский староста с утра уехал в Тимоново — решил обновить велосипед, запрятанный в сарае в начале войны.

— Здравствуйте! — с порога нежно пропела тётя Дарья. — Думаю, надо бы заглянуть к родным. А вы всё по-городскому желаете жить — с цветочками.

Она понюхала стоявший в консервной банке букетик подснежников.

— Как пахнут! Ну прямо мёд. И где же ты эти первоцветики насобирала?

Лара, не отвечая ни слова, отошла в угол. Пришлось вести разговор бабушке.

— Не взыщи, невестушка, угощать тебя нечем.

— Ничего не надо. Я, слава богу, не голодна.

— Знать, сыто живёте?

— Помаленечку. И свой хлеб имеем, и Родя с походной кухни то каши, то ведёрко супу принесёт. Опять же мясца принёс, когда колол для немцев коров в Тимонове.

— Он и шкуру хотел стащить, — слышалось из угла, — да немец заметил и закричал: «Отдавай корофья шкура! Не отдафаешь, твоя шкура будем снимать».

Это звучало явным вызовом, но тёте Дарье было невыгодно ссориться.

— Мало ли по деревне сплетен! Я к вам пришла по-родному, мучки вам принесла. Только уж ты, свекровушка, меня выручи. Ты всякие травы знаешь, ещё в старое время колдовкой слыла.

— Кого же надо тебе заколдовать? — усмехнулась бабушка.

Тётя Дарья подвинулась ближе и стала совать бабушке в руки кулёк.

— Вылечи Родю, пожалей сына. Сохнет ведь человек.

Тёмные Ларины глаза с тревогой смотрели из угла на бабушку. Неужели она согласится лечить этого немецкого прихвостня? Какой он ей сын? Он бросил её сам.

— Нет у меня такой травы. — Бабушка отодвинула от себя кулёчек.

Лара облегчённо вздохнула.

— Побойся бога, свекровушка! Ежели мать откажет, кто будет его лечить...

— Пушай сам себя лечит. От нечистой совести травы у меня нет.

Но, видно, не легко дались бабушке эти слова. Шить в этот вечер она уже не могла. Сказала, что плохо видит, в глазах потемнело. Бабушкины пальцы всё ещё беспокойно двигались по лавке, всё будто отталкивали от себя кулёчек. А кулёчка-то не было. Тётя Дарья унесла его домой.

Лара не знала, чем угодить бабушке.

— Баб, отдыхай. Я всё приберу сама и помою пол. Воду можно было набрать здесь, на усадьбе, в пруду. Он кишел лягушками, которые по-весеннему урчали, высовывая плоские головы из воды.

Взобравшись на мостки, Митя бросал в лягушек камешки.

— Нашёл забаву! Лучше попросил бы отца тебя на велосипеде покатать.

У крыльца дядиного дома стоял забрызганный грязью велосипед. Значит, хозяин вернулся домой.

— Он сегодня сердитый, — пожаловался Митя. — Меня во двор выгнал, чтоб я не слушал, про что они с мамкой говорят.

— Про что же такое они говорили, что ребятам слушать нельзя?

— Вроде про охоту. Мамка ругала папку, зачем согласился. Сказал бы: «Откуда мне ихние тропы знать».

Ведро выскользнуло из рук девочки и заколыхалось на воде.

— Ой, уплывёт! Ой, утопнет! — засуетился Митя. Он разыскал суковатую палку и помог девочке подцепить и вытащить ведро.

— Спасибо, Митя. А за что ещё мать отца ругала?

— За лисапед. Зачем папка на нём в Томоново покатил. Никто бы не знал, что у нас лисапед. Мамка сказала: «Уведу завтра ребят с утра на речку, чтоб не видели эту пакость, а ты разбирайся сам».

Мите надоело воевать с лягушками, он убежал на улицу. А девочка всё ещё сидела у пруда.

Митя думает, что отца позвали охотиться на зверя, а ей кажется, что это охота на людей, на партизан. Немцы хотят, чтобы дядя Родион показал им партизанские тропы: он знает Тимоновский лес, у него есть велосипед.

Они поедут на разведку завтра утром. Сбор здесь, на усадьбе. Поэтому тётя Дарья и уводит детей.

Надо будет увести и бабушку. Но этого мало. Если бы можно было помешать немцам!.. Что бы такое придумать?

Стемнело. Окна дядиного дома засветились, как глаза ночной хищной птицы. Девочке казалось, что из темноты на неё смотрит громадный филин и грозит: «Не вздумай стать мне поперёк дороги, берегись!»

Их приехало утром трое. Один из немцев, долговязый, с жёстким, словно выпилленным из дерева, лицом, кое-как говорил по-русски. Он сказал, что, по русскому обычаю, перед дорогой надо выпить и закусить.

Дядя Родион поёжился, но не посмел спорить. Немцы прислонили свои велосипеды к завалинке, и хозяин повёл непрошенных гостей в дом.

Спустя полчаса дверь открылась. Впереди всех шёл долговязый. Его лицо покраснелось, он даже насвистывал какой-то мотив.

Долговязый подошёл к завалинке, и свист оборвался.

— Может, насосик?.. — услужливо подскочил дядя Родион, увидев, что немец судорожно щупает шины.

Сильный удар кулаком сшиб печенёвского старосту с ног. Долговязый что-то сказал товарищам, и три солдата зашагали по усадьбе, держа автоматы наготове.

Песченёвский староста, крихтя и охая, поднялся с земли. За что его били? Почему долговязый кричал «Партизан!»?

Дядя Родион, в свою очередь, пощупал велосипедные шины, и холодные мурашки пробежали по его спине. Шины были дряблые, где порезаны, где проколоты. И впрямь: пока они выпивали и закусывали, на усадьбу пробрался какой-то отчаянный партизан. Среди бела дня под окном у старосты портит шины. Ничего не боится, злодей...

Теперь он уже далеко. Ищи ветра в поле.

Надо было убедить немцев, что с утра (дядя Родион сам видел, как Лара увела бабушку) ни одной живой души в усадьбе не было.

Над ещё не вскопанными, по-зимнему приплюснутыми грядками жёлтым лепестком носилась бабочка-лимонница. И вдруг в борозде между грядками что-то сверкнуло гораздо ярче, чем крылья лимонницы. Будто в борозде зажёгся зелёный огонёк.

Дядя Родион нагнулся. У его ног поблёскивал на солнце осколок бутылочного стекла.

Мало ли сора валяется на земле весной! Но на этом осколке была кровь.

Сказать немцам? Но если партизанам станет известно, что он помогал в поисках, пули ему не миновать.

Дядя Родион наступил сапогом на зелёный огонёк, и стекло, хрустнув, ушло в землю.

Он ничего не видел. Его дело сторона. Он ничего не нашёл. Пускай ищут сами.

Но найти преступника немцам так и не удалось.

Когда они покидали усадьбу, с бранью волоча свои испорченные велосипеды, печеневский староста предусмотрительно отошёл в сторону. Он боялся, как бы долговязый на прощание ещё раз не стукнул его кулаком. Наконец они ушли. И староста отправился осматривать разгромленный дом.

Немцы всё пораскидали, сломали табуретки, порвали занавеску, в погребке перебили крынки с молоком.

Чтоб немного утешиться, дядя Родион решил осмотреть баньку, где тоже шарили немцы.

Кто-то топтался под крышей по чердаку. Немцы не догадались туда заглянуть, а там, наверно, и спрятался злодей.

Бежать, звать на помощь было уже поздно. Дядя Родион прижался к коньку избы. Он не мог видеть человека, который спускался без лестницы, прямо по стене. Он только слышал, как под невидимыми ногами шуршат брёвна.

Если, спустившись на землю, злодей повернёт вправо, он не заметит печеневского старосту, а если он свернёт влево... У дяди Родиона перехватило дыхание: шаги послышались слева. Но вместо рослого парня с гранатой на поясе из-за угла выскользнула худенькая девочка.

И эта поганка заставила печеневского старосту дрожать!

— Стой! — загородил племяннице дорогу дядя Родион.

Девочка мгновенно спрятала руки за спину, но всё же он успел заметить, что её правая рука замотана платком.

— Почему руку прячешь? Прячь не прячь, всё равно я знаю, как ты её окровенила: ты сперва стеклом немецкие шины резала, а уж потом догадалась их булавкой колоть!

Лара молчала. Её правый глаз сильно-сильно косил.

— Диверсию на моей усадьбе устраиваешь? Хочешь дядю в могилу пихнуть? Да я тебя за шиворот в комендатуру мигом стащу!

Он ждал. Сейчас эта вредная девчонка заплачет, бросится к нему в ноги, будет просить... Но вредная девчонка не плакала и не просила. Что-то озорное и дерзкое засветилось в её глазах. Она вынула из-за спины раненую руку и стала развязывать зубами узелок на платке.

Пусть этот подлый человек видит, что она его не боится, нарочно перевязывает руку при нём. Он трус. Он не посмеет донести на неё немцам. Иначе партизаны ему отомстят.

— У-ух! — в бешенстве замахнулся на Лару дядя Родион.

Девочка отскочила в сторону, но не ушла. Насмешливо глядя на дядю, она снова затеребила зубами узелок.

Больше печенёвский староста не мог сносить это издевательство. Прихрамывая от волнения, он зашагал к своему дому. Но по дороге обернулся, погрозил кулаком:

— Погоди, паршивка! Я тебя упрячу. Дай только срок...

А через неделю на деревенской сходке прочитали список девушек, которые должны были

явиться в пустошкинский лагерь для отправки в Германию.

В толпе перешёптывались:

— Это почему же два раза Михеенко читали?

— Их двоих отправляют: Раиску — Анны Фёдоровны дочку и Лариску — бабки Анастасии Ананьевны внучку. Ну, которая ленинградская.

— Знаю ленинградскую. Так она же малая. Какой изверг её в список записал? Жалко девчонку.

— А разве бабу Ананьевну не жалко? Кто же теперь ей, старухе, хворост принесёт...

И вот он пришёл, последний вечер для Лары с бабушкой. Они сидят перед банькой у костра.

В котелке набухла пшённая каша. Пшено выменяли на Ларину гитару: некому теперь на ней играть.

Да, видно, зря выменяли. Каша кажется Ларе горькой. А бабушка и вовсе не ест. Бабушка крепко-крепко держит за руку внучку и не отпускает. Боится, что, если выпустит руку, Лару сразу же от неё уведут.

— Чего-то я хотела сказать тебе, лапушка...

— Ну что? Вспомни, баб!

— Запомню. Да всё уже сказано. Дай в последний раз на тебя погляжу.

— Нет, не в последний! Не смей так говорить.

А темнота уже чёрным холодным озером растекается по земле. Она затопила ступеньки крыльца, она подступает к костру. Но пламя метнулось в сторону, и чёрные волны отхлынули. Темнота боится огня.

— Бабушка! Ты нашла свою вязальную спицу?

Лара сама не знает, почему она спрашивает о таких пустяках. Наверное, потому, что если начать говорить о главном, о разлуке, — не выдержишь, заревёшь. И бабушка это понимает.

— А как же, милоч! Ты ведь сама эту спицу нашла.

Небо забрызгано звёздами, будто крупной, яркой росой. А луны нет. Это хорошо, что луны нет, что ночь будет тёмная. Потому что сегодня ночью они уйдут.

Всё уже решено между подругами. Только это тайна, и сказать бабушке про это нельзя.

Проснётся бабушка утром, чтобы проводить Лару в немецкий лагерь, в Пустошку, а Лары дома нет. И Раи нет. И Фроси. Пропали три девочки.

Пусть люди думают, что их увезли в неволю, в Германию. Но Галина Ивановна, Фросина мама, будет знать правду. Фросина мама их сама научила, как разыскать Петин отряд.

Они соберутся ночью в доме у Кондрутенко. Лара обещала прийти сразу же, как только бабушка уснёт.

Костёр погас, но ещё дышит теплом. И трудно оторваться от этого тепла, от бабушкиного плеча. Трудно солгать тому, кому никогда не лгала.

— Я хочу спать. Я устала, баб...

— И правда. Завтра тебе на зорьке вставать.

Они возвращаются в баньку. Лара ложится на лавку, натягивает одеяло до самых бровей. Она не видит бабушку. Только слышит бабушкин шёпот.

Бабушка молится. Кому она молится? Богу, которого нет, или, может быть, звёздам, зелёному лугу, дремучему лесу, своим корешкам?..

Бывало, они ходили в лес и на луг вместе с бабушкой.

— Это зверобой — всем травам царь, — рассказывала бабушка, — от девяноста болезней спасает. Черёда от золотухи избавит, коровяк — от кашля, сушеница — от замороченья головы. Тысячелистник в ране кровь запекает. Донник в грудях мягчит...

От травы пахло мёдом и летом. Луг смотрел на девочку тысячью глаз: синих, золотых, лазоревых. И Лара думала: какая красивая и богатая родная северная земля!..

Но пришли враги. Потоптали бабушкины травы, потоптали жизнь...

Шёпот затих. Под одеялом ничего не видно. Но девочка чувствует, что бабушка наклонилась над ней.

— Милок, ты не спишь?

Нельзя отвечать — бабушка разговорится. А нужно, чтобы она уснула скорей. У Кондруненко уже, наверное, все в сборе и ждут.

И вот в баньке стало совсем тихо. Не скрипит лавка. Замолк сверчок. Ровно, чуть всхлипывая, дышит бабушка.

Лара встаёт и бесшумно подходит к ней. В темноте не различишь бабушкино лицо. Только смутно белеет платок, которым бабушка на ночь повязывает голову.

Девочка нежно кивает этому платку: «Баб! Прости, что я тебя оставляю, но иначе я не могу».

Лара вылезает в окно, чтобы не открывать скрипучую дверь.

Из будки навстречу девочке выбегает Дружок. Он машет лохматым хвостом, он лижет Ларину руку.

Но он не визжит. Он умный. Он понимает, что беглянке нужна тишина.

Весенняя ночь пахнет прудом, берёзовым листом, распаханной землёй.

Всё небо в звёздах. Они одни и те же, что над Ленинградом, что над Печенёвом. И можно поговорить с мамой, глядя вон на ту звезду: «Мама! Я уйду. Уйду воевать! Ты понимаешь меня, мама?»

Большая, самая близкая к земле голубоватая звезда ласково мигает. Она как бы передаёт

мамин ответ:

«Да, доченька, да!»

Теперь в последний раз обернуться.

Дух захватывает — до чего же огромен сияющий звёздный простор! И какой маленькой-маленькой кажется Ларе отсюда бабушкина избушка.

Почему это так? Может, ночью всё по-другому, а может, сама девочка выросла за эту ночь?

Прощай, детство! Бабушка, дорогая, любимая, родненькая, прощай!

Партизанский край начинался за озером Язно. По одну сторону озера — фашисты, по другую — Советская власть.

Переправу через озеро день и ночь охраняли партизанские часовые. Попасть на паром мог только тот, кому был известен пароль.

За озером, то упираясь макушками в небо, то проваливаясь в болота, тянулись леса. Перед каждой деревней — живой, зелёный заслон.

Штаб 6-й Калининской бригады майора Рындина стоял в деревне Кривицы. Жили партизаны тесно: в одних избах с мирным населением. Только у разведчиков была своя отдельная изба.

В это утро в избе разведчиков шло совещание. Говорил сухощавый, невысокого роста, смуглый человек — начальник бригадной разведки Котляров.

— Ну что ж, товарищи, — сказал он негромко, — надо разгрызть этот орех.

Все разведчики понимали, что под «орехом» начальник подразумевал деревню Орехово. Вчера стало известно, что в Орехово немцы согнали крестьянский скот. Ограбили крестьян, лишили их коров-кормилиц. Отряд Карпенкова вызвался отбить у грабителей их добычу. Но ему нужны были данные: где расположены немецкие орудия, где расставлены посты. А достать эти сведения — «разгрызть орех» — было трудной задачей: Орехово усиленно охранялось.

— Разрешите мне, — сказал Федя.

Его любили в разведке и за смелость, и за весёлые шутки.

— Говори! — кивнул ему Котляров.

— Девке легче пройти, — сказал Федя. — Может, мне нарядиться девкой? Напялить юбку вместо штанов?

Разведчики захохотали.

Шутка шуткой, но в Фединой шутке была и правда. В военное время в деревне на счету каждый парень. Чужого узнают сразу. Девушке легче пройти. Но девушки-разведчицы сейчас на заданиях и вернутся через два-три дня. А медлить с Ореховом нельзя.

Все с интересом ждали, что ответит на Федеию шутку начальник. Но в дверь просунулся ординарец Сараев и сказал, что командир бригады срочно вызывает Котлярова в штаб.

Штабная изба помещалась на самом краю деревни. Она была новая и светлая: в горнице четыре окна.

На улице перед штабной избой топтался голубоглазый паренёк. Он было приподнялся на цыпочки, чтобы заглянуть в окошко, но, увидев Котлярова, сконфуженно отошёл в сторону.

— Это Петька Кондруненко сестру высматривает! — объяснил Котлярову Сараев. — К нам пополнение пришло. Потеха!

— Почему потеха?

— Так это же девчонки. Самая мелочь. На заставе, дожидаясь проводника, они знаете что делали? В камешки играли! А тоже в партизаны хотят.

...Перед столом, за которым сидели комбриг Рындин и командир отряда «Буря» Ахременков, переминались с ноги на ногу три девочки. Лара сразу узнала комбрига: голубые глаза, русые волосы, нос с горбинкой, высокий лоб...

«А это я, которую вы посылали в Тимоново. Ну, вспомните же меня, пожалуйста, вспомните!» — просили комбрига девочкины глаза. Но комбрига больше интересовала лежавшая на столе карта.

— Как вы решили? — спросил Котляров.

— Решать будем вместе. Я им объяснял, что принять их в бригаду не можем: возраст не тот. А они своё твердят: «Всё равно партизанами будем». В разведку просят. Знают местность. Что скажешь? Разведка по твоей части.

Котляров оглядел девочек: ну до чего же тощие!

У старшей упрямый подбородок. Вот кто первая заводила среди подруг. Девочка справа — сестра Кондруненко. Те же голубые добрые глаза. А эта, кудрявая, видимо, сирота. Новое платье ей справить некому. Старое платье, из которого девочка выросла, надставлено куском другого цвета. Наверно, выкроили этот кусок из бабкиной юбки.

— Ты самая младшая? — спросил Котляров.

Лара покраснела. Откуда он это узнал? Ведь она выше Фроси, хотя и на год моложе.

К счастью, ей не пришлось отвечать. Дверь распахнулась, и в избу вошёл Карпенков.

— Ты что, разведка, из меня жилы тянешь? — напустился он на Котлярова. — Чего ты ждёшь? Чтобы немец перерезал всех коров?

— Сейчас мне послать некого и не к кому, — сухо ответил Котляров. — Своих людей в Орехове у нас нет.

— А у меня есть тётя в Орехове.

Это сказала Рая. Она чуть-чуть подалась вперёд и радостно повторила:

— А у меня есть тётя в Орехове!

— Ну и молодец эта твоя тётя! — обрадовался Карпенков. — Тётя соображает, где надо жить.

«Что, если мне девкой нарядиться», — вспомнил начальник разведки Федину шутку. Что ж! Видно, судьба.

— В Орехово надо идти вдвоём, — сказал Котляров. — Одной не справиться. А что вы, девочки, скажете, если вас спросят, почему именно сейчас вы надумали навестить свою тётю?

— Скажем: за семенами, — быстро нашлась Лара. — Сейчас все на огородах сажают, и мы хотим сажать.

— А ты смышлёная! — Комбриг посмотрел на нее в упор и прищурился, словно что-то вспоминая.

— Девочки, — сказал Котляров, — мы подумаем, посоветуемся. Подождите пока на улице.

Фросе надо было о многом поговорить с братом. У Раи и здесь нашлись знакомые. К ней подскочили два молодых партизана.

— Вот это встреча! Раиса, неужели не признаёшь? Мы раньше тоже в тимоновскую школу ходили.

Лара деликатно отошла в сторону, оперлась о забор.

На огороде, как и в любой деревне, лежала борона. К её зубьям прилипла свежая земля. Но на этом же огороде девочка заметила пулемёт, замаскированный лапником. Здесь не только пахали землю, но и воевали за эту землю.

Какой-то паренёк с большой охапкой моха подошёл к одному из деревенских домиков и крикнул:

— Принимайте лесные медикаменты! Партизанская вата прибыла!

В окно выглянул человек с забинтованной головой. Должно быть, в этой избе помещался партизанский госпиталь и мох заменял при перевязках недостающую вату.

Да, это была необычная деревня. От обычной она отличалась ещё и тишиной. Кто шумит на деревенской улице? Ребята! А в партизанской деревне не видно было детей.

Поэтому Лара и удивилась и обрадовалась, когда мимо неё на вороном коне проскакал мальчишка. Штаны у него были в заплатках, но на голове красовалась военная фуражка, надетая козырьком назад.

Подскакав к штабу, он ловко спрыгнул на землю и с важностью, как заправский наездник, похлопал коня по потной шее:

— Запарился, Грачик... А это что за девчонка? Грачик, это не наша. Мы не знаем таких.

— Уж будто ты всех знаешь! — вспыхнула Лара.

— А ты как думала? Конечно, знаю. Я самого командира бригады адъютант.

— Расхвастался! Чем ты докажешь?

— Вот чем! — Мальчишка перевернул фуражку и постучал пальцем по звёздочке. — Небось красная звёздочка не соврёт.

Лара тоже считала, что человек, который носит красную звёздочку, не может солгать, но ей не хотелось признать его превосходство.

— Подумаешь, адъютант... Разведчик важнее. А я буду разведчицей.

— Это кто будет разведчиком — ты? — Мальчик длинно сплюнул. — Тебе не доверят. Не доросла.

— А ты дорос?

Мальчик отвернулся. Он молча гладил лошадь по глянцевитой, словно ваксой смазанной шерсти.

— Хочешь, поспорим, что меня примут?

— Давай.

— Эй! Где вы тут, печенёвские? — выбежал на крыльцо Сараев. — Начальство вас требует к себе.

Лара сделала несколько шагов и остановилась.

— Адъютант! — позвала она.

Голос у неё был такой кроткий и ласковый, что мальчик доверчиво оглянулся. И тут же пожалел об этом. Озорница показывала ему язык.

— Проспорил? Ну то-то.

Ещё никогда начальник разведки так не волновался. Девочкам было время вернуться. Почему же их нет? Задержали? Заблудились? Может, забыли пароль?

Котляров снова заглянул в штаб.

На полу у порога, обхватив руками коленки, сидел белоголовый мальчик Мишка. Тот самый, с которым поспорила Лара. Он стерёг сон командира. Командир спал, положив голову на стол.

Мальчик сердито и жалобно взглянул на Котлярова. Он словно просил: «Если не так срочно, то не буди!»

Но начальник разведки сам знал, как дорог сон человеку, не спавшему много ночей. Можно от усталости уснуть даже на ходу. Спишь, но идёшь по лесу. Вернее, не идёшь, а плывёшь по чёрной реке темноты, пока не споткнёшься о дерево.

— Будет меня спрашивать Карпенков, — вполголоса сказал Котляров, — скажи: уехал на переправу.

Мальчик молча кивнул.

Спустя несколько минут до него донёсся конский топот.

«На Грачике поскакал! — с горечью подумал Мишка. — Эх, не дают просохнуть коню! И всё из-за этой девчонки. Кому доверили! Что она умеет? Только показывать язык...»

Когда всадник подъехал к озеру, садилось солнце. Котляров спешился, привязал коня и стал спускаться по тропинке, путавшейся в прибрежных кустах.

Тропинка то спотыкалась о корни, то мчалась вперёд, огибая розовые стволы.

В этот закатный час всё было розовым: земля, небо, кусты ивняка.

Ивняк протяжно шумел, но сквозь этот вечерний розовый шум Котляров уловил и другие звуки: тугие, длинные всплески воды.

Кусты поредели. Сквозь ветки блеснуло озеро. По перепутанной ветром сердитой воде осторожно двигался плот. Позади перевозчика, прижавшись друг к другу, стояли две девочки.

— Они! — с облегчением вздохнул Котляров и, сбежав вниз, встретил Раю и Лару у причала.

— Занятный народ! — сказал ему старик перевозчик. — Спрашиваю: «Вас, ребятки, куда посылали?» А они в ответ: «Странный вы человек! Разве можно разглашать военную тайну!»

— Правильно ответили! — улыбнулся Котляров и сделал знак девочкам следовать за ним.

Пока шли по берегу, подружки перешёптывались, оглядываясь на перевозчика. Но вот перевозчик скрылся из виду.

Лара взяла прутик и, присев на корточки, провела по песку длинную черту.

Рая развязала платочек. Из платочка на землю градом посыпались огородные семена: свёкла, тыква, бобы, горох...

— Ну, знаете!.. — пробормотал Котляров.

Их ждут в штабе, а они что затеяли? Ведь посылали-то их в Орехово не за горохом.

Но рядом с первой чертой Лара провела вторую, получилась дорожка. По обе её стороны девочка нарисовала квадратики.

Котляров понял: дорожка — это деревенская улица, а квадратики — дома.

— Смотрите: горошина будет часовой. — Лара положила горошину в конце дорожки. — Часовые стоят здесь, здесь и здесь. Тыквенное семечко будет пушка. Тут она. Вот за этим домом. А бобы — видите, где я их кладу? — это пулемёты.

Начальник разведки вынул из полевой сумки бумагу и карандаш и стал перерисовывать план.

Глава III

Мишка адъютант

раньше у девочки были мама и бабушка, теперь её семья — партизанский отряд. А изба разведчиков, где по вечерам чадит коптилка, заправленная бараньим салом, — это теперь девочек дом. В этом доме спят на полу, по-походному, не раздеваясь, чтоб вскочить сразу же, как позовут.

В этом доме надо забыть детские капризные слова: «Не хочу!», «Не могу!», «Не буду!» Здесь знают одно суровое слово: «нужно». Нужно для Родины. Для победы над врагом.

Нужно разведать, какие немецкие поезда и с каким грузом приходят в Пустошку. Девочку посылают к бывшему железнодорожнику — старику Гультяеву. Из окна его домика железнодорожная станция как на ладони. Он ведёт нужный подсчёт. Но старику не верится, что босоногая девочка, сказавшая ему пароль, действительно посланец партизан. Скрывшись за занавеской, он шепчется с женой.

— Она ещё не ушла?

— Нет. Сидит на лавке, ногами болтает.

— Ничего. Поболтает и уйдёт. Тут ошибиться нельзя — дело серьёзное. Промахнёшься — пропал.

Щёки у девочки горят от стыда и досады, но она не собирается уходить. От скуки она начинает рыться в ящике со слесарными инструментами. Такой точно ящик был у её отца.

Вот этот маленький лёгкий напильник, который, как бархат, доводит работу до блеска, папа называл «бархатным». А это рашпиль — напильник погрубее.

— Где же у вас штангенциркуль? — спрашивает девочка.

Старик выходит из-за занавески. Он сконфуженно кашляет. Потеплели его строгие глаза.

— Ты откуда такое слово знаешь: «штанген»?

— У меня папа был слесарь.

— Голубушка! Чего же ты сразу мне не сказала, что ты наша, рабочая косточка, слесарева дочь!..

Нужно разведать расположение орудий в деревне Могильное. И девочка идёт туда вместе со своими подружками.

Девочка стучится в незнакомую дверь:

— Тётяшка! Мы сироты, беженцы... Пустите переночевать.

Хозяйка пожалела, пустила. Вечером «сиротки» играют в салки с хозяйскими детьми. И девочка всё норовит прошмыгнуть мимо замаскированных орудий.

Тю-тю! — сердито кричит немецкий часовой.

— Тю-тю! — весело отвечает ему хитрая девочка. И часовой отворачивается: какой с дурочки спрос. А ведь девочка нарочно прикинулась дурочкой, чтобы выведать то, что нужно для партизан.

Нужно разведать, какие немецкие части двинутся по большаку Идрица — Пустошка. И девочка нанимается в няньки в деревню Луги, которая стоит на большаке.

Хозяин Антон Кравцов очень доволен девочкой. Всем хвастается, что нянька попалась культурная, учёная: и песни поёт, и сказки знает, и носит гулять ребёнка в поле, где воздух здоровей.

Но если бы видел Антон, что делает в поле его малыш!

Ребёнок жуёт стебли, ползает на четвереньках по траве. Лицо у него пегое от грязи и слюней. Малыш пищит: его спину щекочет забравшийся под рубашонку жук.

Учёная нянька ничего не замечает. Лёжа на животе, она зарисовывает оленей, медведей, тигров — опознавательные знаки немецких машин.

— Играй, деточка! — не глядя на малыша, бормочет нянька. — Будь умница, играй сам.

Не прошло недели, и нянька пропала. Напрасно по всей деревне ищет её Антон. Сизые от пыли нянькины пятки уже мелькают по просёлочной дороге. Надо скорей доставить партизанам разрисованный знаками листок.

Листок одобрен, и девочку посылают наблюдать за другой дорогой. Она целый день сидит одна в засаде в лесу. Губы её запеклись, во рту пересохло — нигде поблизости нет воды.

И вдруг девочка видит ещё не успевшую высохнуть лужу. В луже плавает бурый березовый листок.

На грязи следы чьих-то лапок. Может, заяц приходил сюда на водопой.

Встав на колени, девочка пьёт из заячьей лужи. Ей даже кажется вкусной эта вода.

И снова идут по дороге маленькие ноги, загрубевшие от частой ходьбы босиком.

Вот ночь застигает в пути трёх подружек. Они возвращаются из дальней разведки. Дорога грязная, вязкая. У девочек уже нет сил.

Лара скользит и падает. На Лару спотыкается Фрося, на Фросю Рая. Им так хочется спать, что они засыпают здесь же, на дороге, как котята, сбившись в клубок.

На рассвете Лару будит холод. Она пробует встать и не может: что-то её держит. Ночью ударил заморозок, и мокрое платье оледенело, примёрзло к земле.

Очень часто девочке бывает трудно. Очень часто страшно. Но она не жалуется: она всегда бодра и весела.

Но один раз она заплакала. Лара и дядя Ваня Сморгыга были проводниками отряда Козлова, который уничтожил засевший в чернецовской школе немецкий гарнизон.

Бой был уже окончен. Пятьдесят фашистов убито. Полицаи сдались в плен.

Отряд покидает Чернецов. Но хозяйственный дядя Ваня хочет ещё раз осмотреть школу: не остался ли там какой-нибудь ценный трофей.

Надо торопиться: на школьном чердаке пожар. Дядя Ваня заглядывает в коридор. На полу пустые гильзы, осколки оконных стёкол. У окна школьная парта. Она служила немцам заслоном в бою. А сейчас за партией, словно школьница, сидит девочка.

— Лариса! Только тебя здесь в пожар не хватало. А ну, марш отсюда, не то сгоришь!

Девочка ни с места; схватив Лару за плечи, старик чуть ли не силком вытаскивает её во двор.

Чёрный свистящий дым валит из чердачного окна. Огненной мошкаррой носятся искры. В отблеске зарева видно, что лицо девочки мокро от слёз.

— Батюшки! Может, тебя ранили? Такая боевая девчонка и вдруг ревёт.

— Это от дыма... — Лара вытерла глаза. Потом они долго шли по дороге. Лара сказала:

— Я вас очень прошу: ничего не рассказывайте в бригаде. Особенно я не хочу, чтобы Мишка знал. Мы с ним всегда цапаемся.

Может, они бы не цапались, если бы Лара знала Мишку поближе. Но его историю ей никто не рассказал.

После смерти отца Мишка жил с матерью в Калининe. Летом его отправили в деревню к дедушке и бабушке. Тут и застигла мальчика война.

Зимой дед ушёл в партизаны. Бабушка с внуком хозяйствовали ещё год.

Мишке часто вспоминались городские булки, за которыми он бегал в магазин. Булки были тёплые, и тёплым было мамино слово: «Спасибо, родной!»

А в деревне он и хворост рубил, и воду носил, и грядки копал. Мозоли натёр, когда пробовал косить. И всё равно бабушка его не хвалила.

Сперва Мишка на неё обижался, потом перестал. Ведь это деревенская бабушка. А деревенских мозолями не удивишь. И всё же Мишка надеялся, что когда-нибудь и она его похвалит.

Деревня бедствовала без соли. Соль можно было достать только на рынке в Пустошке, выменяв на какое-нибудь барахло.

Бабушка дала внуку узелок, и с двумя попутчицами по скрипучей зимней дороге Мишка пошёл в Пустошку пешком.

Вернулся он на шестой день.

Карман его полушубка оттягивал маленький, но тяжёлый, туго набитый мешочек. Когда Мишка его щупал, в мешочке скрипело. И мальчик самодовольно улыбался. Уж теперь бабушка его похвалит: он принёс домой соль.

Мишка толкнул плечом калитку, но она не поддавалась: её не пускал сугроб.

Все дорожки на бабушкиной усадьбе занесло снегом. Как будто Мишка пришёл в поле, а не домой. Потому что только в поле бывает такой чистый, никем не потоптанный снег.

И мальчику стало страшно от этой нежилой, нетронутой белизны. Если на снегу нет следов, значит, из дома никто не выходил?

А куда же девалась бабушка?

Соседи сказали Мишке, что его бабушку вместе с другими жёнами партизан расстреляли каратели. Лежит мёртвая бабушка в овраге под снегом. Похоронить её можно будет только весной, когда оттаёт земля.

Сняв шапку, мальчик долго стоял на краю оврага. Метелило. Снег носился в воздухе, словно белый стонущий дым. На дне что-то темнело. Может быть, камень, а может быть, бабушкин платок.

Уже никогда не скажет бабушка внуку: «Спасибо, родной!» И никогда не узнает строгая, но справедливая деревенская бабушка, что Мишка очень её любил.

А дня через три в лесу возле озера Язно партизаны подобрали полузамёрзшего мальчика. Когда в штабе его стали расспрашивать, он в ответ мычал что-то невнятное. Потом повалился на лавку и уснул. Даже не почувствовал, как с него сняли валенки и поставили сушиться на печь.

Мишка проснулся ночью. В избе было полутемно. Все спали. Только командир при свете коптилки работал над картой, пригнувшись к столу.

— Чего шарить под лавкой? — спросил он Мишку.

— Отдайте мои валенки.

— Зачем они тебе?

— К деду пойду. Босого меня в партизаны не примут.

— И с валенками не примут: не дорос. Может, всё-таки познакомимся? Как тебя звать?

— Мишка. Меня дед примет. Он сам, наверное, начальник. Вы, случайно, не знаете: Овчинников?

— Овчинников? — переспросил командир, потирая ладонью лоб.

Трудно было сказать мальчику горькую правду. Но не скажешь-он будет разыскивать деда, уже месяц назад убитого в бою.

Когда Мишка услышал «погиб смертью храбрых», ноги у него подкосились. Куда ему теперь идти?

Мальчик сидел на полу нахохлившийся, вихрастый, похожий на выпавшего из гнезда птенца.

Что ему говорил командир — кажется, утешал, уговаривал, — Мишка понимал смутно. Но вот командир сказал:

— Мы проводим тебя домой...

Мишкины пальцы разжались, и на пол, звякнув, упало что-то блестящее. Это был ключ от пустого дома, который мальчик нёс деду.

Командир взглянул на ключ и отвернулся. В избе было тихо-тихо. Слышно только, как уютно, по-домашнему, тикали ходики на стене.

— Это, конечно, не по правилам, — после долгого молчания сказал командир, — но, поскольку ты внук погибшего партизана, временно мы тебя оставим. Будешь... — Командир запнулся, не зная, какую должность придумать Мишке. — Будешь моим адъютантом. Согласен?

— Ага, — чуть слышно вздохнул Мишка.

— Ну, а теперь спать. Завтра поговорим.

Мальчик пошёл к лавке, но сейчас же вернулся.

Порывшись в кармане, он положил на стол перед командиром грязноватый холщовый мешочек.

— Это ещё что такое?

— Это соль, — строго сказал Мишка, — ведь теперь будем вместе есть.

С тех пор они делили радость и горе, хлеб и соль.

В штабной избе, где на правах адъютанта стал жить Мишка, почти всегда толпился народ. Кто ожидал нового боевого приказа, кто хотел прочитать принятые партизанской рацией сводки Советского Информбюро.

Народ приходил самый разный. Мужчины и женщины. Пожилые и молодёжь. Командиры отрядов, разведчики, связные, подрывники.

Некоторые по занятости просто-таки не замечали Мишку, ни разу не улыбнулись ему. Он не обижался. Время теперь неприветливое, суровое — война. Но всё же Мишке хотелось, чтоб и в это суровое время кто-нибудь его приласкал. И особенно был счастлив мальчик, если ласковое слово говорил ему командир. Самый храбрый и умный, как думал Мишка, и самый добрый из всех людей.

Это он поручил разведчикам, ходившим с заданием в Калинин, заодно навести справки о Мишкиной матери. Когда мальчик узнал, что его мама жива, он не мог выговорить ни слова, замахал руками и убежал из избы.

А немного погодя в кустах послышалась песенка. Её напевал чистый, как ручеёк, мальчишеский голос.

— Слыхали? — подшучивали партизаны. — Адъютант запел. А мы думали, он безголосый. И до чего тонко выводит! Ну прямо дрозд...

Не забывал командир и о том, что мальчик не учится. Он подарил Мишке задачник, который где-то раздобыли разведчики.

— Займись в свободное время. Что непонятно — спроси.

Мишка терпеть не мог задач про бассейны. Ну зачем переливать воду из одного в другой? Небось вода зацвела и протухла, как в старом пруду. И всё же он решал эти постылые задачи. Он бы ещё не то сделал, лишь бы командир его похвалил.

Впрочем, часто мальчик не успевал решить задачу о бассейнах: надо было срочно скакать верхом в другой партизанский отряд. И, вцепившись в лошадиную гриву, Мишка скакал, ликуя, что его послали, ему поручили, что он самого командира бригады адъютант.

Но уже при первой встрече Лара, дразнясь, сказала, что разведчик важнее.

Она и потом дразнилась, ей нравилось дразниться. И Мишка загрустил.

Вот, например, сегодня. Командир поехал в лес выбирать площадку под партизанский аэродром. Надолго поехал, только завтра вернётся, а своего адъютанта не взял с собой.

Мальчик совсем расстроился. Не зная, куда себя деть, он слонялся по деревне, пока не увидел на улице Петю Кондруненко, который разговаривал с пожилым партизаном Егоровым. От

нечего делать Мишка стал слушать их разговор.

— Завтра в неведринской церкви престольный праздник — троицын день, — рассказывал Егоров, — все бабы придут с кошёлками. А в кошёлках, бывало, и пироги, и творог, и яички зелёные, словно весенняя травка. Их бабы красят берёзовым листом.

— Вот и хорошо, что придут с кошёлками. В кошёлки удобно листовки совать, — усмехнулся Петя.

— После обедни, — не слушая Петю, продолжал вспоминать Егоров, — все на кладбище. Охлещут могилку берёзовой веткой. Попарят, значит, покойника, чтоб теплее ему спалось во сырой земле. А потом тут же на могилке закусывают, поминают померших родных...

— Ладно, старик. Другой раз расскажешь про закуску... Мишук, ты не помог бы девочкам листовки переписать?

— Каким девочкам? — нахмурился Мишка.

— Нашим: Ларисе и Фросе. Им ещё велено передать записку отцу Николаю, неведринскому попу.

— Шутите!

— А разве у попа нет родины? — сердито сказал Егоров. — Теперь только в церкви и разрешают народу собираться, и этот поп очень удобный для нас человек. Прошлой воскресеньем он народу читал не проповедь, а газету, которую ему доставили наши ребята.

Мишка заметно повеселел. Что бы ни говорил Егоров про отца Николая, но Мишка ни за что не согласился бы нести записку попу. Ну и задание дали Лариске! Раньше эта девчонка его изводила — теперь он посмеётся над ней.

В избе у разведчиков лежали на столе образец листовки и пачка старых газет. За неимением бумаги листовки писались на газетных листах.

Все трое переписчиков-Фрося, Лара и Мишка — прилежно трудились. Каждую букву хотелось вывести чётко и красиво. Ведь это были не просто слова, а названия городов, освобождённых от фашистов наступающей Красной Армией.

Написав последнюю фразу: «Смерть немецким оккупантам!» — Мишка поставил три восклицательных знака, острых, как три штыка. Теперь можно было передохнуть и заодно подразнить Лару.

— Богомолка, а богомолка!

— Ты что сказал?

— Сказал: богомолка! Завтра куда пойдёшь? Богу молиться, попу ручку целовать?

— Ох, глупый! — вздохнула добродушная Фрося. Но в глазах Лары уже зажглись озорные огоньки.

— А ты бы и ногу поцеловал, лишь бы тебя послали. Так не пошлют. Сиди в штабе, сиди!

Она посмела сказать «сиди!» ему, который раньше её стал партизаном, научился хорошо

стрелять и участвовал в боях. Она этого ничего не знала, и он ей не скажет, потому что он гордый.

Вечером Егоров, устроившись на завалинке, чистил трофейный карабин командира. Мишка подсел к Егорову, тронул курок.

— Какой-то ты нынче смутный, — сказал Егоров. — Задача, что ли, не удалась?

— Что все ко мне пристают с этими задачами? — рассвирепел Мишка. — Разве поспеешь и воевать и учиться? Дядя Егоров, дайте-ка я почищу, а потом попрактикуюсь.

— Так ведь у тебя свой есть.

— Командирский лучше.

— А командир не осерчает? Хотя, говорят, ты ему жизнь спас. Я-то недавно в этой бригаде, но слышал от людей, что глаз у тебя меткий.

— Это точно, — с важностью кивнул Мишка — глаз у меня меткий. А насчёт командира вы сами понимаете: где командир, там должен быть и адъютант.

— Ну и как же это всё-таки было? Как ты его спас?

— А вот как. Подпустили мы к себе фрицев близко-близко. Они на велосипедах ехали. Человек сто. И начали их лупить. Которых мы положили, а которые побросали велосипеды — и в лес. Мы за ними. Командир впереди, я позади. Он не заметил, а я заметил: один фриц залез на дерево и целится оттуда в командира. Только он не успел, гадюка, я в него раньше попал. Так что стрелять я умею. Но если долго не практиковаться, можно меткость потерять.

— Ну что ж, — Егоров протянул Мишке карабин, — попрактикуйся. Только во что ты будешь стрелять? В дерево неинтересно, дерево на месте стоит.

— Понятно: надо в движущуюся мишень.

На рассвете девочки понесли листовки в Неведино, а к полудню в штаб вернулся командир. Он первым делом спросил про Мишку. Выяснилось, что никто никуда мальчика не посылал.

Однако Мишка исчез. Исчез и карабин.

Неведринская церковь высоко на горе. Её окружают берёзы. Их белые стволы сливаются с белыми стенами, и листва как бы отдельно висит в воздухе. Кажется, что вокруг церкви, чуть пониже куполов, ходят зелёные облака.

Разыскав на погосте домик попа, девочки вручили отцу Николаю записку.

— За здравие подавала записочку или за упокой? — просунув голову в дверь, любопытствовала попадья.

— За здравие! — засмеялась Лара. — За упокой — это пусть фрицы подают.

Теперь девочкам надо было осмотреть церковь, где они будут распространять листовки. В церкви было ещё пусто. Какая-то старушка в тёмном платочке затыкала берёзовые ветки за образа.

В Ленинграде Лара однажды ходила на экскурсию в музей-в Исаакиевский собор. Там девочку поразили колонны-огромные, в два обхвата, гладкие и холодные, как лёд. И пол был тоже холодный и такой гладкий, что ноги разъезжались, как на катке.

Но самое удивительное там было эхо. Скажешь слово — и над твоей головой загудит. Ты уже замолчал, а всё ещё гудит, всё ещё летает под куполом твой голос. Такой он высокий, Исаакиевский собор!

А в неведринской церкви потолок был низкий, пол деревянный, облезлый — не на что смотреть. Лару заинтересовала лишь стеклянная чашечка, висевшая перед иконой на тоненьких цепочках. Сквозь её прозрачные, изумрудного цвета стенки просвечивал огонёк. Он горел ровно, не чадил, как партизанская коптилка.

— Бабушка! — самым ласковым голосом спросила Лара старушку. — Где вы жир для своей коптилки достаёте? И нам охота такой жир достать!

— Озорница, безбожница! Священную лампаду коптилкой называет да ещё задом стоит к алтарю.

— Фрося, а что такое алтарь? — прошептала Лара, выждав, когда вдали затихли сердитые старушечьи шаги. — Нам на экскурсии это не объясняли.

— Я тоже не очень знаю. Ну, место такое, где священник читает молитвы. Вон там, за перегородкой. Я только знаю, что женщинам в алтарь ходить запрещено.

— Это почему же? У нас женщины равноправные. Я бы на их месте уже из-за одного этого не стала бы в церковь ходить.

Постепенно церковь наполнилась народом. Стало душно. Запахло, как в бане, человеческим потом и берёзовым листом.

Служба началась. Священник нараспев произносил слова молитвы, и в ответ ему глухо гудел хор.

Если молитва была особенно важная, все кланялись или становились на колени. Стоило поклониться белевшему впереди женскому платочку, и, словно полевые цветы под ветром, начинали склоняться и другие, белые, голубые и коричневые платки.

Вместе со всеми наклонялась и Лара. В это время было всего удобнее опустить в чью-либо кошёлку листок. У девочки было такое чувство, словно она с вышки прыгает в море. И страшно и весело.

Конечно, страшно. Ведь рискуешь головой. А весело потому, что никто ничего не заметил, что тебе удалось.

Уже и в этой, и в той, в десятках кошёлок лежат листовки. Их будут читать во всех деревнях. Люди узнают правду. Красная Армия наступает. Но надо помогать армии, помогать партизанам быстрее разгромить врага!

Осторожно передвигаясь в толпе, Лара заметила большую, обшитую клеёнкой кошёлку. Туда можно опустить целую пачку листовок! Но и старуха, которой принадлежала кошёлка, тоже заметила Лару. Неспроста эта чужая девчонка к ней жмётся: хочет съестное украсть.

— Что ты всё вертишься, девочка? Пришла в церковь молиться богу, так и молись.

Лара сморщила нос, пытаясь изобразить на своём лице набожность, и несколько раз торопливо перекрестилась.

Но сейчас же снова услышала шёпот:

— Господи! Все православные крестятся справа налево, а энта наоборот. И кто же тебя, девочка, по-басурмански креститься учил?

— Извините, тётенька, спуталась.

В эту минуту церковный хор запел что-то торжественное, и старуха, подобрав юбку, опустилась на колени.

Снова стали клониться к полу белые, чёрные и голубые платки. Но один маленький цветастый платочек не наклонился. Фрося делала отчаянные знаки, показывая подруге на дверь. Значит, надо было уходить, и уходить немедленно.

Девочки бегом спустились с церковной горы. Здесь можно было остановиться. Никто их не догонял.

На выгоне паслось стадо. Коровы жадно захватывали толстыми губами сладкую молодую траву. Мальчик-пастушок, поглядывая на девочек, жевал щавель. Через плечо пастушонка висел длинный кнут.

— Ой, Лариска, кого я сейчас у церкви видела! Чуть было листовку ему не сунула, а когда разглядела, прямо обмерла.

— Кто же это был?

— Печенёвский староста, твой дядька. Теперь он знает, что мы не поехали в Германию. Как думаешь — донесёт?

— А может, и нет. Партизан побоится.

Ларе не хотелось говорить о дяде в такой весёлый весенний день. Жаль только, что в кошёлке осталось несколько листовок. Надо кому-нибудь их отдать.

— Эй, мальчик! — окликнула Лара пастушонка. — Ты грамотный?

— А тебе что? — мальчик выплюнул изо рта щавель, вытер зелёные губы, — Мы в немецкую школу не ходим.

— И мы не ходим. Но ведь в нашей школе тебя читать учили? Возьми, почитай.

Мальчик неохотно взял протянутые Ларой листовки, развернул их и протяжно свистнул. Ему бросилась в глаза крупно написанная фраза: «Смерть немецким оккупантам!»

— Это мы прочтём. Всей деревней прочтём.

Он засунул листовки за пазуху и побежал по изумрудно-зелёному выгону, оглушительно хлопая кнутом. Своими ухватками он сильно напоминал Мишку.

«А что сейчас делает Мишка? — подумала девочка. — Кажется, он вчера на меня обиделся. Чудак человек! Неужели нельзя пошутить?»

— Твоя работа?

Командир бросил на лавку застреленную курицу.

Мишка поёжился. Как будто похоже. И у той были такие же пёстрые перышки. Мишка потрогал морщинистую жёлтую куриную ногу. Наверное, она.

Просто удивительно, как быстро всё стало известно! Не успел вернуться, как уже вызвали к командиру и даже курицу в штаб приволокли.

— Что молчишь? Это твоя работа?

— Моя.

— Я так и знал! Еду по лесу, а навстречу деревенская женщина. «Иду, говорит, на вашего дьютанта жалиться. Прискакал утречком в нашу деревню — и ну по курам палить. Пеструшку мою застрелил».

Мёртвая курица зловеще смотрела на Мишку мутным глазом. Её поникший гребешок побледнел.

— Мы беспокоимся, куда он пропал, что случилось, а он безобразничает... Да разве может так поступать партизан?

— Я не безобразничал... Я только хотел попрактиковаться в движущуюся мишень.

— Вот за эту движущуюся мишень и сядешь под арест.

— Слушаюсь! — держа руки по швам, вытянулся Мишка. — Задачник разрешите с собой взять?

— Задачник? — Командир чуть заметно улыбнулся. — Ну что ж, разрешаю. Возьми.

Егоров повёл Мишку в амбарчик, куда сажали под арест. Мальчик шёл бодро, сбивая на ходу головки одуванчиков. Под мышкой торчал задачник.

— Эх, адъютант! Надо же было тебе проштрафиться! Из-за каких-то курей сам попал, как кур во щи!

— Вот именно попал! — радостно подтвердил Мишка. — Та деревенская тётенька, которая на меня командиру жаловалась, ещё не всё рассказала. Я и в другую курицу тоже попал.

— Лихо!

— И ещё я, дядя Егоров...

— Кончай разговор. Я заступил на пост, а часовому разговаривать не положено.

Егоров запер дверь, и Мишка очутился один в пропахшем мышами амбарчике. Мальчик сел на пол, раскрыл задачник. Свет проникал через одно-единственное узкое окошечко, но многие задачи Мишка знал наизусть.

«Со станции вышел поезд...»

Мишка живо представил себе паровоз с чёрной свастикой на стальной груди. С его платформ ощерились пушки. Как дракон, рассыпая искры, чёрный поезд несётся в ночь. И вдруг — столб пламени, грохот. Чёрный поезд рухнул под откос! Партизаны заложили на рельсах взрывчатку.

Мальчик вскочил на ноги и отчаянно забарабанил кулаками в дверь:

— Дядя Егоров! Выпустите меня! На одну минуту!.. Я должен срочно доложить командиру!..

Как он мог позабыть, что ещё до истории с курами разговаривал в деревне с одним стариком. Старик просил передать командиру, что может показать озеро, в котором наши войска, отступая, затопили взрывчатку — тол.

Всю дорогу Мишка думал про взрывчатку, но, когда его стали отчитывать, позабыл.

Мальчик метался по амбару, как мышонок в мышеловке.

— Дядя Егоров! Дядя-я-я... Выпусти меня...

Егоров не отвечал.

Наконец вопли утихли.

«Умаялся, уснул», — подумал Егоров.

Ему и самому хотелось дремать. Опершись о винтовку, он клевал носом. И вдруг заморгал глазами, выпрямился. Перед ним стоял командир.

— Часовой! Вы кого сторожите?

— Арестанта, товарищ командир бригады! Лично ваш адъютант сидит под замком.

— Сидит? Давайте проверим. Откройте дверь.

Открыли — никого. На полу белел раскрытый задачник. Бестолковый шмель, жалобно гудя, колотился о стенки, пока его не подхватила струя воздуха и не вынесла в окно.

Шмель показал путь, которым воспользовался мальчик. Только Мишка, благодаря своей ловкости и худобе, мог пролезть в узкое амбарное окошко.

Егоров ахнул и попятился за дверь.

— Дядя Егоров, — донёсся до него знакомый голос — Вы не расстраивайтесь, я сейчас своё досижу.

Из кустов, радостно улыбаясь, вылезал Мишка.

— Чертёнок! Я думал: он спит либо задачки решает, а он убёг. Не ожидал я от тебя подвоха, Миша. Подвёл ты меня, так подвёл!

— Верите, не нарочно... Я просился, но вы не хотели слушать, а мне надо было срочно доложить...

— Это мне надо срочно доложить, — спохватился Егоров. — Товарищ командир бригады! Беглый адъютант мной обнаружен.

— Поздновато вы его обнаружили! — усмехнулся командир. — Он ко мне в штаб час назад явился, а вы даже не заметили, сторожили пустой амбар. Боец Егоров! Передадите оружие Овчинникову. Теперь вы сядете под арест, а он будет вас сторожить.

Мишка вскинул винтовку на плечо и отправился в обход.

Огибая амбар, он увидел за плетнём девчоночьи головы: одна светлая, другая потемней. Значит, они успели вернуться из Неведро и всё им известно: и про кур и про тол.

Лара попробовала заговорить, но Мишка с каменным лицом прошествовал мимо.

Когда он второй раз пошёл в обход, за плетнём уже никого не было.

Видно, обиделась. Потому что девчонка. Не понимает, что он на посту. Часовому отвлекаться не положено. Из-за этого вот Егоров пострадал.

Жалко Егорова, но Егоров простит его, Мишку, когда узнает, что сбежал он не из-за озорства, а из-за взрывчатки. За это ему командир кур простил.

«Уж теперь я в следующий бой выпрошусь, — размечтался Мишка. — А не отпустит, так сам прорвусь. Точно».

Мишка крепко-накрепко прижал к груди винтовку и потёрся о дуло щекой.

А время шло. Уже по-летнему цвели луга, по-летнему жёсткой и тёмной стала листва на деревьях. Кукушки куковали последние дни.

Мишка очень любил беседовать с кукушкой. Он не спрашивал, как другие: «Скажи, кукушка, сколько мне лет жить на веку?» Он собирался жить так долго, что кукушке не сосчитать.

Он загадывал: сколько трофейных винтовок и пулемётов добудут партизаны в следующем бою. И очень был доволен, когда кукушка много раз повторяла своё «ку-ку».

Но на этот раз ему предстояло услышать особенную кукушку. Даже не одну, а двух.

Из болотной низинки, где залёг в засаду партизанский отряд, видно было росшее по другую сторону дерево. Оно, как маяк, возвышалось над овсяными, ржаными, льняными лоскутьями полей.

Мальчик знал, что на этом дереве, скрытые листвой, сидят девочки: Рая и Лара. Им поручено криком кукушки сообщать партизанам, какие немецкие машины или подводы покажутся на большаке.

Если мотоцикл — кукует Лара, протяжно и медленно; если подвода — кукует Рая, отрывисто, скороговоркой. Сколько раз повторяет своё «ку-ку» кукушка, столько движется машин или подвод.

Пока что кукушка молчала, и это очень тревожило Мишку, хотя он понимал, что ещё рано, что немцы должны выждать, когда рассеется туман.

Туман стлался по болоту, дымясь, как в зимнюю пору позёмка. Мишку познабливало. Ему

вспомнилось, как он в метель стоял у оврага, обещая мёртвой бабушке отомстить фашистам. Сегодня они сквитаются. Как сказано в партизанских листовках: «Смерть за смерть! Кровь за кровь!»

— Она ещё крепкая была, — облизывая пересохшие губы, пробормотал Мишка. — Мешок с картошкой сама подымала. Если б немцы не убили её, она бы сто лет прожила...

Лежавший рядом с Мишкой Егоров приподнялся, с тревогой взглянул в побледневшее лицо мальчика.

— Ох, парень! Опять ты смутный. Как бы опять меня не подвёл.

Туман растаял. По голубому откосу неба карабкалось солнце. Спиной Мишка чувствовал утро, а животом — ночь, потому что спину уже пригревало солнце, а живот был прижат к сырой, ещё по-ночному холодной земле.

На дороге появился мальчик с ведёрком и самодельной удочкой и тут же исчез. Прошла старуха, волоча за собой на верёвке чёрную козу.

«Кукушки» молчали.

«Нет, не поедут сегодня немцы по этой дороге, — с тоской думал Мишка. — Уж так мне везёт!»

В траве мелькнуло красное пятнышко — божья коровка. Мишка поймал её, посадил к себе на ладонь. Жук поджал лапки, прикинулся, будто он не жук, а красная в чёрных точечках твёрдая пуговка. Пуговку небось не съедят. Мальчик терпеливо ждал, когда «пуговка» снова выпустит ножки и начнёт путешествовать по его руке. «Улетай, дурёха! — мысленно уговаривал Мишка божью коровку. — Улетай подальше. Побежим в атаку — затопчем тебя...»

Но глупый жук не хотел покидать тёплую ладошку и только тогда поднялся в воздух, когда Мишка подул под крылышки. Куда полетел жук, проследить уже не было времени. Закуковали «кукушки».

— Слышите, дядя Егоров! Лариска кукует — это мотоцикл. А теперь Раиса — это подводы. Раз, два, три, — Мишка торопливо загибал пальцы, — четыре, пять, шесть, семь...

— Приказано подпустить как можно ближе, — предупредил его Егоров. — Стрелять только по сигналу. Чтоб раньше времени ты не высывался.

Но это было для Мишки труднее всего.

Теперь он уже ясно видел, что два немецких мотоцикла — один спереди, другой сзади — сопровождают подводы, цепочкой протянувшиеся по большаку. По мнению Мишки, они были уже совсем близко. Так почему ж наши медлят?

Мишке даже казалось, что толстые колёса мотоцикла и тонкие колёса подвод стали вертеться в обратную сторону, что немцы разгадали партизанскую хитрость и удирают. Когда же начнётся бой?

Но тут раздался сигнальный выстрел. Мальчик вскочил, словно подброшенный пружиной.

— Стрелять лёжа! — крикнул ему Егоров.

— А если я не попаду лёжа! — огрызнулся Мишка, яростно нажимая курок.

Кто-то из партизан снайперским выстрелом уложил немца, который вёл головной мотоцикл. Машина опрокинулась.

Задний мотоциклист струсил: выпустив вонючее облачко, он пустился наутёк.

Одуревшие лошади, храпя, налезали друг на друга. Подводы сшиблись. На дороге образовался затор.

Комиссар партизанского отряда возглавил атаку.

— За Родину! Вперёд!..

Справа и слева от Мишки с криком «ура» бежали партизаны. И мальчик старался не отставать от них. Он был словно капелька, которую мчит могучий, грозный поток.

Сперва Егоров был впереди, но потом Мишка опередил Егорова. Мальчик увидел, как возле одной из повозок замертво свалился немецкий солдат. Автомат убитого остался лежать на дороге. Если он, Мишка, добежит первым, это будет его личный трофей!

В горячке мальчик не заметил, что позади подводы за колесом топчутся чьи-то ноги. Там затаился немецкий солдат.

Немец выстрелил. Что-то крепко ударило Мишку в плечо. Карабин выпал из рук мальчика, а поднять его не было сил.

По земле мурашили мелкие красные пятнышки. Как будто у Мишкиных ног собрался целый рой божьих коровок. Но сказать им: «Улетайте, а то затопчут» — Мишка уже не мог.

Он пошатнулся и рухнул лицом вниз, в болотную траву.

...Даже строгая деревенская бабушка признавала, что Мишка терпеливый на боль. Две недели бабушка не догадывалась, что у внука на спине чирьи. И когда Мишке придавило палец поленом, бабушка опять не догадалась, потому что он опять смолчал.

Но сейчас ему просто-таки хотелось выть от боли. Мишка даже сомневался, что это его рука. Неужели своя рука может своего так мучить?

Особенно разболелась рука после того, как раненого навестил Егоров. Он принёс гостинец — несколько кусочков сахару — и сказал, что все в бригаде Мишке кланяются и желают поправиться поскорее.

— Спасибо! — расцвёл Мишка. — А почему не зайдут сами?

— Да то к тебе не пускали, то некогда — на станцию Железница, почитай, всей бригадой ходили. Теперь у нас рельсовая война.

И Егоров рассказал, что всеми партизанскими бригадами получен приказ: взрывая рельсы, сковать передвижение противника. Чтобы враг не мог перебрасывать воинские части с фронта на фронт, не мог подвозить боеприпасы, чтобы наступающей Красной Армии было легче громить врага.

После этого разговора мальчик не спал всю ночь. Кроме Мишки, в этой половине избы медсанбата других раненых не было. За раненым мальчиком присматривала хозяйка избы,

молчаливая, усталая женщина, напоминающая Мишке его мать.

Услышав ночью стоны, хозяйка, босая, в длинной холщовой рубашке, вышла из-за занавески:

— Худо тебе, сынок? Может, медицину побужу...

— Сам обойдусь! Дайте лучше водички.

Он пил, стуча зубами о край кружки. Он капал холодной водой на раненую руку. Всё равно жгло, как будто под кожу насыпали горячих углей.

Почему он такой невезучий? Люди воюют, рвут рельсы; наверное, на станцию Железница и Лариска с бригадой ходила, а он в постели лежит.

В одном ему повезло: что он лежит, можно сказать, дома, в Кривицах, где у партизан есть фельдшер Мария Ефремовна. Раненому опасно оставаться в деревне, где шныряют немцы.

В Шолохове тамошний доктор тайком лечил раненых партизан. Он придумал вывесить на двери дома дощечку с надписью: «Сыпной тиф». Немцы шарахались от этого дома. Но потом разнюхали, что их обманывают, и расстреляли доброго шолоховского доктора.

Попадись им Мария Ефремовна, они бы и её расстреляли, да только руки коротки!

К утру Мишка забылся, но очень скоро его разбудили громкие голоса. Мальчика потянуло к окну. На деревенской улице было полно народу. Раздвигая толпу, на крыльцо взбежала начальник санчасти Мария Ефремовна, которую по молодости лет в бригаде звали просто Машей.

А следом за ней четверо партизан внесли носилки, но не в Мишкину, а в другую половину избы.

Лицо человека, которого несли на носилках, было закрыто куском парашютного шёлка, и Мишка не мог его рассмотреть.

Но зато он заметил в толпе свою хозяйку и стал звать её здоровой рукой.

Оглядываясь, она подошла к окну:

— Ложись, сынок. Увидит Маша — заругает. Не велено тебе вставать.

— Лягу. Только сперва скажите: он лётчик?

— Лётчик. Наша разведка — Раиса с Ларисой в лесу его разыскали. С горящей машины кинулся. Кабы не подбили, он бы лекарства тебе привёз.

— Он жив?

— Жив, да, видать, плох. Страсть как руки и лицо попалило.

— Почему ж он не кричит, если живой?

— Потому как без памяти. Ложись, сынок. Я уж постараюсь, всё разузнаю и тебе расскажу.

Мишка послушно лёг. Это правда: не надо сердить Машу. Если Маша будет им довольна,

может, она согласится перевести сюда лётчика. Были бы они вместе, Мишка бы ухаживал за ним.

Какая, должно быть, невыносимая боль, если рослый, плечистый лётчик потерял сознание! Значит, вытерпеть больше не мог!

Маша вошла неслышно и села на табуретку возле Мишкиной постели.

— Как ты себя сегодня чувствуешь?

— Я уже почти здоровый... А он? Скажите, он будет жить?

— Самолёт уже вызван. Сегодня ночью мы отправим за линию фронта и его и тебя.

— Меня? — Мишке почудилось, что изба покачнулась, словно рядом с ней взорвался снаряд. — Разве здесь нельзя меня вылечить?

— Там тебе больше помогут. Положение серьёзное. Что, если придётся руку отнять?

— Ну и пусть! — в отчаянии крикнул Мишка. — Режьте руку! Хоть пилой пилите! Я всё равно не уеду. Я остаюсь здесь!

— Ты не понимаешь, что говоришь. Успокойся. Я принесу тебе валерьянки.

Привстав на постели, Мишка с тоской посмотрел вслед Маше. Она добрая, но раз ей так приказано, она не отступится. По затылку видно: ни за что не отступится.

Мишка уткнулся в подушку и зарыдал.

...Нет, он не притворялся, когда кричал Маше: «Режьте руку, но я не поеду!» Он так думал всерьёз. Пусть лучше у него отнимут руку, чем отнимут всё, чем он дышал и жил: его гордость — он, мальчик, участник великого дела, его радость — стоять в одном строю с этими суровыми и добрыми людьми.

Значит, больше он не услышит от командира: «Молодец, Миша!» И на Грачике больше ему не скакать с боевым приказом... Да стоит ли вообще тогда жить?

— Миша! — позвал его тихий голос.

Мальчик поднял с подушки зарёванное лицо. Посреди избы стояла Лара, держа в руках берестяной туесок с ягодами.

— Поешь! Я тебе принесла землянички. Это витамины...

Мишка отвернулся к стене. Кто её звал? Витамины! Да на кой ему они? Нашла чем утешать!

— Ты на меня сердисься? Веришь, я не со зла дразнилась...

Веришь, не веришь!.. Может, она ещё скажет: «Будем дружить». Теперь ему всё равно — ночью он улетает. Чтобы не показать девчонке свою слабость, Мишка зарылся в подушку, но слёзы текли и текли.

— Ты почему плачешь? Потому что она сказала, что тебя отправят? Я слышала ваш разговор. Ничего не поделаешь, надо тебе лететь, Миша. Там тебя положат в хороший госпиталь, и ты

поправишься.

— Поправлюсь? Да там без всех вас... один... я помру...

И вдруг Мишка почувствовал, как маленькая девчоночья рука робко коснулась его вихров. Это ещё что? Он хотел оттолкнуть эту руку, но она была такая ласковая, что снимала боль, такая лёгкая, что от неё ему стало легче. Ведь после мамы никто не гладил его по голове.

— Знаешь, Миша, когда я тебя первый раз увидела, то подумала: вот с этим мальчишкой мы будем дружить, а мы всё цапались. Но я тогда про тебя ничего не знала, мне только сейчас сказали.

Мишка уже не плакал, он внимательно слушал.

— У тебя дедушку и бабушку убили, у меня — папу. Ты давно ничего не знаешь про свою маму, и я свою вот уже два года вижу только во сне. А сестра у тебя есть, Миша?

— Н-н-нет...

— Хочешь, я буду твоей сестрой? Ты только скажи, Миша, хочешь?

Она подняла упавший на пол карандаш — его подарил Мишке командир — и переломила пополам.

Мишка не разозлился, хотя так дорожил этим карандашом, что даже жалел им писать.

— Половинка твоя, половинка моя. Ты посмотришь на свою половинку и подумаешь: «Я не один». А я посмотрю на свою и подумаю: «Где сейчас мой братишка? Пусть поправляется поскорей».

— А потом?

— А потом, когда кончится война, ты приедешь к нам в Ленинград со своей мамой. Если нет твоей мамы, моя мама будет твоя мама. А если нет и моей мамы, мы вместе пойдём в один детский дом.

— Прекрасно, что вы уже договорились, — раздался позади ребят голос. Это вернулась Маша. — Значит, вы знаете, что сегодня в ночь вам вместе лететь?

— Вместе?!

Мишка щёлкнул языком от восторга, но зато побледнела Лара.

— Почему вместе? Я не раненая, и война не кончилась. Кажется, задания я выполняю. Вы даже один раз вместе со мной ходили. Или в бригаде мной недовольны?

— В бригаде тебя любят, тобой довольны. Но с этим самолётом хотят отправить и тебя и Фросю — всех, кому нет шестнадцати лет. Потому что воевать — не детское дело. А вы — дети.

— Думаете, дети меньше взрослых любят свою Родину?

Что-то нежное-нежное засветилось в глазах у Маши, но она сдержалась и спокойно ответила:

— Думаю, что берегут вас, заботятся о вас. Иди, девочка. Перед дальней дорогой больному

надо отдохнуть.

А больной, не думая отдыхать, во все глаза смотрел на девочку. Он был счастлив, что они летят вместе, и в то же время ему было очень жалко Лару.

Кусая губы, она топталась у двери, как будто что-то хотела сказать. Но ничего не сказала, только украдкой — ведь это была их тайна-показала Мишке зажатый в руке карандаш.

И Мишка, заговорщически подмигнув, тоже показал ей свой карандаш.

Он колебался: может, сейчас спросить и записать адрес Лариной мамы? Нет, лучше он спросит потом. У них с Ларой ещё будет время в самолёте.

Мишка не знал, что видит Лару в последний раз.

Уже ночь завладела небом и землёй, уже по лесу ходила темнота. Она, словно мох, прицеплялась к стволам деревьев, склеивала листву и траву. Ветерок шевелил Мишкины волосы, и мальчику казалось, что это притаившаяся в кустах темнота дует на него своими чёрными губами.

Мишка сидел под деревом на краю большой лесной поляны. На поляне были разложены лохматые вороха хвороста, похожие на огромные птичьи гнёзда. Скоро они вспыхнут огнём, освещая место посадки самолёту, который увезёт Мишку с собой. Неужели всё-таки увезёт?

В темноте хрустнула ветка под ногой. Это из палатки, где лежал обгоревший лётчик, вышла санитарка и окликнула Мишку:

— Дьютант, а дьютант!

— Ну чего вам? — помолчав, неохотно отозвался мальчик.

— Сидит под кустом, как ёж. Шёл бы лучше в палатку.

— Здесь воздух свежее.

— А ты не сбежишь?

Мишка усмехнулся. Он понимал, почему волнуется санитарка. Лететь должны были четверо, а на партизанский лесной аэродром доставили только двоих. Лара и сама скрылась, и увела с собой Фросю.

Что ж! Мишка не осуждал свою названую сестру. Втайне он даже гордился ее поступком. Если б не больная рука, и он бы сбежал. Точно!

Жаль, что разыскать Лару ему будет теперь трудно: ведь адреса её он не взял.

Дурак! Должен был догадаться, что она не уедет, что она обязательно сбежит, что, кивая ему у двери, она с ним прощалась.

Так или иначе, но с ней он простился. И с другими партизанами. И даже с Грачиком. А вот с самым дорогим ему человеком, с командиром, проститься не смог: командир весь день был в отлучке.

Правда, ему сказали, что командир обязательно приедет на аэродром.

Но стало совсем темно, а его всё нет и нет. Теперь ему уже не успеть...

Опять захрустели ветки. Кто-то, подойдя к палатке, заговорил с санитаркой.

— Так где же он? — услышал мальчик знакомый голос.

Приехал! И сразу же про него спросил.

— А я уже думал, вы опоздаете... — Мишка сиял от радости.

— По-моему, тебе известно, что я не опаздываю. — Командир осветил зажигалкой свои ручные часы. — Самое время. Сейчас будут зажигать сигнальные костры.

Запылали костры. Пламя потянулось ввысь, к небу — земля подавала огненный сигнал. И небо ответило металлическим голосом. Оно гудело, рокотало.

Закрывая крыльями звёзды, над поляной пронёсся самолёт.

Он пронёсся ещё раз, теперь уже гораздо ниже. Воющий ветер пригнул пламя костров. Трава то вставала дыбом, как шерсть испуганного зверя, то, дрожа, расстилалась по земле.

Рёв моторов помешал Мишке расслышать, что именно сказал ему командир. Наверно, он сказал: «Хорошо посадил».

Пропеллер ещё вращался, окружённый волнистым радужным сиянием, но уже были неподвижны упёршиеся в землю колёса шасси.

Командир поздоровался с пилотом, с маленькой женщиной, которая с чемоданчиком в руках вышла из машины. Она показалась Мишке совсем молоденькой. Прямо как школьная вожатая. Даже не верится, что она врач.

— Так вот он какой, раненый мальчик! — Женщина ласково улыбнулась Мишке. — Ты ещё ни разу не летал на самолёте? Я знаю, тебе понравится, знаю, что мы с тобой подружимся. А сейчас, пожалуйста, проводите меня к больному с ожогами.

Двое партизан повели её в палатку. Командир остался возле машины. Он давал распоряжения людям, которые разгружали самолёт.

Мишка не отходил от командира. Когда его посадят в машину, он будет просто раненый мальчик, но пока что он самого командира бригады адъютант.

Ему хотелось, чтобы машину разгружали не так быстро, чтобы он был адъютантом ещё полчаса, ещё четверть часика, хотя бы ещё пять минут.

Но уже принесли носилки с больным лётчиком, и женщина-врач позвала Мишку.

— Будь здоров и счастлив! — сказал командир. — А за службу твою — спасибо!

Они стояли друг против друга: мужчина и мальчик. Мужчина пожал мальчику руку, как боевому товарищу. Мишка весь вспыхнул от счастья. Но не тронулся с места. И старший понял, чего ждёт младший. Он шагнул вперёд, и курносое мальчишечье лицо припало к его груди.

А потом Мишка, подозрительно шмыгая носом, оторвался от командира, отступил на два шага и чётко, по-военному отдал честь. И командир отдал Мишке честь и держал руку у козырька до тех пор, пока мальчик не скрылся в самолёте.

Самолёт летел над тихим ночным лесом. Спали на ветвях птицы; ёлки, покачиваясь, рассказывали ветру свои скрипучие, дремучие сны.

Но не все спали в лесу в эту звёздную летнюю ночь. На одной из полянок зашевелились стебли иван-да-марьи, из травы поднялась кудрявая голова.

— Фрося, проснись! Слышишь, гудит самолёт!

Фрося буркнула во сне что-то невнятное.

Встав на колени, Лара всматривалась в гудящее небо. Оно было зеленоватое, в светлячках звёзд.

— Счастливо, Миша! Я тебя не забуду.

И хотя девочка знала, что Мишке, конечно, не разглядеть то, что она ему показывала, но всё же она протянула вверх ладонь, на которой лежал обломок карандаша.

Глава IV

Всё равно будет по нашему

Никто больше в деревне нищим корки не подавал. Старый хлеб кончился, новый только начали жать.

Теперь Санька приносил Лариной бабушке то грибов, то ягод из леса. А уж вязанку хвороста само собой.

Деревенские говорили, что Санька совестливый и памятный: бабушка вылечила его от золотухи — вот он теперь и печётся о ней.

Только это было не совсем так. Про золотуху Санька давно забыл, но про Лару не забыл. Он считал, что, помогая бабушке, помогает партизанской семье.

Он не верил, что Лару отправили в Германию. Такая не дастся! Она солдатам руки перекусает, из вагона выпрыгнет, речку переплывёт! Её не заставишь служить немецкой фрау. Лариска — у партизан. За озером Язно.

Окончательно уверился в этом Санька после троицына дня.

Кто пустил этот слух, пальцем не укажешь, а подхватили все. Говорили, что печенёвские девчонки никуда не уехали и ходят по деревням. Будто бы Раю видели в Шолохове, а Лару и Фросю — в церкви в Неvedро. Говорили об этом прямо на улице, и Санька заметил, что Раиной и Фросиной матерям очень неприятен этот разговор.

— Ну что вы брешете, бабы, ведь сами-то не видели! Уж хоть бы бабушке эти басни не пересказывали. Она, что дитё малое, начнёт повторять при немцах, и потащат старуху на допрос...

И тут Санька подумал, что матери сами всё знают, но скрывают от бабушки — боятся, что она

не сумеет сохранить тайну.

Что ж? Пожалуй, они правы. Теперь немцы стояли в самом Печенёве. Санька не раз видел, как по улице, заложив руки за спину, проходит низколобый рябой солдат. Деревенские дали ему кличку «Палач». Говорили, он избивает людей на допросах. Что, если Палач начнёт пытать у бабушки, где её внучка? Нет, уж лучше бабушке ничего не знать...

Обычно Санька навещал бабушку вечером. Утром он рыскал по лесу, собирая грибы и ягоды, а днём продавал их на тимоновском рынке, подмешивая к хорошим грибам поганки. Свои, деревенские, разберутся, они в грибах толк знают, а для поганых гитлеровцев и поганки хороши.

В этот день Саньке не везло. Народу на рынке было немного, и грибов никто не покупал. Мальчик нашёл только одну, по его мнению, солидную покупательницу: это была рослая чернобровая женщина с родинкой на левой щеке.

Положив наверх самые лучшие грибы, мальчик подошёл ближе, держа у груди корзинку. Но женщина не обратила внимания на Санькин товар, она была занята разговором со старушкой, продававшей лук.

— Дорого просишь, а лук твой щуплый!

— Не грехи, хозяйка! Лук, как мёд, — сладкий и налитой. Так где ж, говоришь, этих девчонок поймали?

— В Козодоях патруль задержал. Трое их было: две беленькие, третья чернявая. Замкнул их патруль на ночь в сарай, а крыша-то была соломенная. Ночью они расшебаршили крышу и в дырку ушли. Теперь немцы их ищут.

— Да небось это побирушки были, а не партизанки!

— Как же не партизанки! Они листовки покидали, а в тех листовках написано, что Гитлеру скоро...

Женщина оглянулась и увидела рядом с собой Саньку, застывшего с разинутым ртом. Из накренившейся корзинки на землю сыпались грибы.

— Чего, мальчик, зеваешь? Все поганки свои порассыпал...

— Там есть и хорошие, — пробормотал Санька, — вы их себе, тётя, возьмите, а я побежал. Тётя, спасибо!..

Это была поважнее услуга, чем принести бабушке хворост. Он мог предупредить о беде. Он всё расскажет Анне Фёдоровне, Раиной маме, пусть она уведёт в лес бабушку, а уж там он позаботится о ней.

Мальчик летел в Печейёво как на крыльях, и всё же он опоздал.

В доме у Анны Фёдоровны плакали дети. Трое на печке, Оля за занавеской, а маленький Павлик выполз навстречу Саньке из-под стола.

— К нам П-палач п-приходил, — заикаясь от страха, сказал Павлик.

Оля, всхлипывая, вытерла нос занавеской.

— Палач нашу мамку забрал. И тётю Галю. И Ларину бабку. Всех позабрали в штаб.

Кто пустит в штаб мальчишку, деревенского оборвыша? Но напротив штаба был огород, засаженный картошкой. Санька залез туда и затаился в борозде.

Он смотрел на пустое штабное крыльцо, на закрытые наглухо окна и думал о рябом, низколобом солдате. От этих мыслей у мальчика начало ломить спину, точно и по ней прошлась плеть Палача.

Стал накрапывать дождь. По стёклам стекали капли, словно окна плакали.

Дверь штаба отворилась, и двое солдат что-то вытащили на крыльцо. Сперва Санька подумал — тюк, но потом разглядел, что тащат человека и у этого человека седые волосы, выбившиеся из-под платка.

— Бабушка! — задохнулся Санька.

Сбросив свою ношу на траву, солдаты вернулись в штаб. Бабушка лежала неподвижно. Убили её или она была ещё жива?

Пока мальчик раздумывал, как к ней пробраться, чтобы по дороге не остановил часовой, на улице показался человек. Санька терпеть не мог печенёвского старосту, но сейчас был просто-таки ему рад. Старосту не остановят, он и поможет бабушке: ведь это его мать.

Бабушка жива, бабушка просит о помощи — вот она зашевелилась, царапает землю руками, а не может встать.

Но печенёвский староста притворился, что ничего этого не видит. Потупив глаза, он торопливо прошёл мимо.

Слышал ли он мальчишеское ругательство, которое понеслось ему вслед?

Выждав, чтоб часовой повернулся к нему спиной, мальчик выскочил на улицу. Но его опередили две женщины. Они тяжело спустились со штабного крыльца, подняли бабушку и под руки повели с собой.

Санька догнал их и, громко шмыгая носом, пошёл рядом.

— Тётя Нюра! Тётя Галя! Вас насовсем отпустили?

— А что с нас взять? Мы ничего не знаем. Да если бы и знали, разве скажет мать на своё дитё?

— Они вас били?

— Всыпали нам плетей. И на бабушку Палач замахнулся, только она со страху сомлела. Вот офицер и велел: «Уберите эту падаль за дверь».

— Это они будут падаль, — скрипнул зубами Санька. — Партизаны им отомстят!

— А ты болтай меньше. Иди-ка домой, Саня! Мы бабушку спать уложим и подле неё посидим.

...Сидя возле бабушкиной постели, Галина Ивановна чутко прислушивалась к шуму дождя. Про себя она твёрдо решила, что в эту же ночь, захватив своих младшеньких, уйдёт к партизанам. Муж у неё коммунист, а теперь немцы знают, что дочка её партизанка, — оставаться в деревне

ей больше нельзя.

Вроде и дождь кончился. Самое время идти.

— Кажется, заснула. — Галина Ивановна встала с лавки. — Ты ещё побудь с ней, Нюра. А мне пора.

— Я не сплю. — Бабушка с усилием открыла глаза. — И куда ты, Галя, уходишь, знаю. Когда моя Ларушка уходила с подружками в партизаны, я тоже всё знала и тоже не спала. Да не сказалась. Зачем, думаю, голубку мою расстраивать, силы перед дорогой у ней отнимать...

Опустив глаза, стояли женщины перед бабушкиной постелью. Они боялись, что бабушка не сумеет сохранить тайну, а она хранила эту тайну с самого первого дня.

Галина Ивановна наклонилась, и бабушка, словно благословляя, положила на её голову свою худую руку:

— Иди с богом, Галя! Увидишь там Ларушку — передай: будет возможность, отпросилась бы на часок с бабкой проститься. Бабка-де стала плоха.

— Будьте спокойны, бабушка! Я передам.

Галина Ивановна ошиблась, думая, что дождь кончился. Небо было мокрое, чёрно-блестящее, как лужа. Редкие звёзды то тускло блестели, то исчезали — как будто лопались, как лопаются в луже пузыри.

«Вчера тоже был дождь, и позавчера, — подумала Галина Ивановна. — Пожалуй, рожь ляжет. А впрочем, нам её не жать».

И женщина пошла своей дорогой, не заметив прижавшуюся к забору фигурку.

Фигурка ещё немного выждала и вышла из засады. Мокрые волосы на затылке у мальчика слиплись в косичку, с косички текло за шиворот — Саньке это было всё равно. Держа в руке камень, он смерил глазом расстояние до окон старостинского дома и прицелился.

— Это тебе за бабушку, гад!

Сперва грохнуло, бухнуло, потом послышался острый режущий звон: на завалинку посыпались осколки разбитого стекла.

— Прямое попадание! — на слух определил Санька и, очень довольный, скрылся в темноте.

В дождливый вечер в деревне ложатся рано. На улице в Тимонове не было видно ни одного огонька. И раньше всех погасла коптилка в доме у Юриных.

Два года назад его окна вечерами светились подолгу: тимоновскую избу-читальню охотно посещала молодёжь. Немцы закрыли эту избу-читальню, и дом был возвращён его прежнему владельцу, раскулаченному Юрину. Жена Юрина, Марфа, славилась своей жадностью: она укладывалась спать с курами, лишь бы не жечь фитилёк.

У Юриных уже спали, когда в дверь раздался нетерпеливый стук. Хриплый голос что-то прокричал по-немецки, приказывая отворить.

В темноте с треском вспыхивали и гасли короткие синие огоньки. У хозяйки дрожали руки, она только с третьей спички зажгла фитилёк.

В избе запахло дождём. Этот запах шёл от мокрых волос и платьев двух девочек, которых патруль вытолкнул на середину избы.

Одна из них, худенькая, темноволосая, стояла на свету и, вскинув кудрявую голову, рассматривала стены. Вид у неё был независимый, словно она очутилась здесь не потому, что её задержали, а потому, что ей самой было любопытно зайти. Другая, белоголовая, постарше и поосторожней, держалась в тени, но именно её и узнала хозяйка.

— Антон! — позвала она спавшего за занавеской мужа. — Проснись, Антон, погляди, к нам привели печенёвскую Райку! С какой-то подружкой...

Антон лишь храпел в ответ.

— Где же ты, Райка, пропадала? Говорили: в Германию тебя свезли.

— В Германию теперь не возят, — усмехнулась Рая, — дорога стала плохая.

— Да ну? И где ж ты теперь живёшь?

— У тётки. Помогаю ей, она хвораю.

— Выходит, что за тётку тебя патруль задержал?..

— Просто получилась глупость: пошли мы с подружкой наниматься рожь жать, а тут патруль. Конечно, разберутся — отпустят. Жаль, что вас разбудили, побеспокоили зря.

— Подумать, Райка Михеенко меня жалеет! А когда мой дом отбирали, где были голодранцы Михеенки? Жалели они тогда меня?

Поблёскивая мокрыми плащами, патрульные стояли в дверях, прислушиваясь к разговору. И хотя не было переводчика, чтоб им перевести, но самое главное они поняли: в этом доме девчонок, которых они привели, не только знают, но и не любят. Значит, здесь, под присмотром хозяйки, можно оставить задержанных до утра.

— Утром будем забрать, ты гляди ночь! — уходя, приказал хозяйке патрульный.

Лицо женщины вытянулось: не спать всю ночь из-за паршивых девчонок! Но она не посмела спорить с патрулём.

Злобно скривив губы, хозяйка швырнула под ноги девочкам тряпку:

— Весь пол мне заследили, мокрохвостки! А ну, подотрите за собой и ступайте на печку спать! Да чтоб мне ночью без глупостей!

Повязавшись платком, хозяйка, зевая, села у окна и зевком задула коптилку.

За окном, шурша, как зёрна из мешка, сыпались на крышу, на крыльцо, на землю крупные капли дождя.

«Всё из-за него, — слушая шорох капель, с горечью думала Лара, — всё из-за этого несчастного дождя...»

Тимоново лежало на пути к той деревне, куда девочки были посланы в разведку. Будь хорошая погода, они бы обошли Тимоново, не рискуя показаться в знакомых местах. Но в дождь они решили идти напрямик: в дождь все дома, никто не встретится.

На тимоновском поле их соблазнила спеющая рожь. Голодные девочки налетели на неё, как воробьи на коноплю. Они шелушили мокрые колючие колосья, выбирая из них зёрна.

Забыв осторожность, подружки громко смеялись. И вдруг за их спинами раздалось повелительное: «Хальт!»

Девочки были окружены. За кустами, росшими на меже, прятался патруль.

Они попали в ловушку. Завтра на допросе их опознают. Хозяйка подтвердит, что они уклонились от отправки в Германию. Кто-нибудь вспомнит историю, случившуюся в Козодоях. Немцам станет ясно, что перед ними разведчицы партизан.

Надо бежать до утра. Но как убежать? Стены и крыша здесь крепкие, дверь заперта, а у окна покачивается хозяйкина тень.

Спина у неё горбатая, нос вытянулся крючком. Ларе, которая смотрит на нее с печки, вспоминается рисунок из книжки «Русские сказки». Точно такая — горбатая и носатая — была на рисунке баба-яга.

Сидит баба-яга, чёрная, злая душа, стережёт девочек, хочет их погубить.

На печке жарко. Девочек разморило, им трудно бороться с дремотой. Чтоб не уснуть, они трут глаза, толкают друг друга в бок локтями.

Но хочется спать и бабе-яге. Она всё сильнее клюёт носом, она захрапела. Баба-яга спит.

И вдруг она резко вскидывает голову:

— Вы куда?

Баба-яга услышала лёгкий, скользкий шорох. Кто-то пробует спуститься с печки, шаря по кирпичам босой ногой.

— Сейчас же залазь обратно! А то мужика побужу, он тебе всыплет.

— Тётенька! — нежно сказал детский голос. — Нам бы водички... Пить хочется. Здесь очень жарко.

— Небось не помрёте. Не позволяю разгуливать в потёмках, а свет не зажгу. И так уж через вас целых три спички спортила.

На печке затихли: вылазка не удалась.

И снова колышется у окна злобная тень, и снова кажется Ларе, что она, как девочка в сказке, в плену у бабы-яги. Сидит у окна баба-яга, не спит чёрная душа, стережёт девочек, хочет их погубить.

Дождь утих. За окном рассвет. Небо голубовато-белое, словно его облили молоком. В это время в деревне доят коров.

В сказке спастись от бабы-яги девочке помогли кот, берёзка, ворота. А кто поможет ей, Ларе, и её подружке? Им должна помочь коровушка-бурёнушка. Баба-яга, которая их сторожит, жадная. Она жалела лишнюю спичку, от жадности она не допустит, чтобы у коровы перегорело молоко. Она пойдёт доить.

— Девочки! — слышат подружки вкрадчивый, тихий голос. — Вы вроде просили водички?

Это баба-яга их испытывает, но они не дураки.

Крадучись, хозяйка подходит к печке, поднимается на приступку. Лара лежит с краю, и чужое несвежее дыхание противно щекочет ей лоб. Но лицо девочки спокойно, глаза закрыты. Лара даже чуть-чуть посапывает. Шаги удаляются. Звякнуло ведро. Дважды повернулся в замочной скважине ключ.

Теперь пора! Пускай баба-яга заперла дверь на ключ. Неважно! Рая как свои пять пальцев знает тимоновскую избу-читальню: в другой половине дома есть окно, которое выходит на огород.

Ломая хрупкие, голубоватые стебли мака, путаясь в огуречной ботве, они промчались по огороду и, перескочив через плетень, сбежали к речке. Вода в ней жирно-зелёная, как щи из щавеля. И надо было медленно втискиваться в эту зелёную, волосатую от водорослей воду, чтобы никто не услышал плеск.

На воде с глухим бульканьем рябили круги, рыба играла на утренней заре. Скоро должно было взойти солнце.

Что такое тимоновская речушка для девочки, которая отлично плавает в море? Лара добралась до берега первой; следом за ней в камыши влезла и Рая.

Из своей камышовой засады девочкам хорошо была видна юринская усадьба. На ней царила тишина.

— Ещё доит, — сказала Лара, — ещё ведьма не спохватилась. Куда ж нам податься, Рая? Надо думать скорей!

Деревня уже просыпалась. Деревенское утро скрипело колодцем, пело по-петушиному, хлопало пастушьим кнутом.

Где искать убежища, куда идти?

И Рая объяснила свой план.

...Рано утром Анна Фёдоровна вышла из дома посмотреть, не полегла ли её рожь, посеянная на усадьбе. На неподвижных усиках светились капли дождя, окружая колосья холодным сиянием. Было тихо, безветренно. Но посреди делянки рожь подозрительно шевелилась. Уж не ворует ли кто колосья? Нет, это были не воры.

Анна Фёдоровна обмерла. Путаясь во ржи, к дому бежали две девочки. Вот они стоят перед ней: её дочь и Лариса. На них ни одной сухой нитки, мокрые платья в грязи.

— Мама! — лязгая зубами, сказала Рая. — Мы сбежали из Тимонова. За нами гонятся. Спрячь, мама, нас где-нибудь.

— Где же вас спрятать? Ума не приложу.

Анна Фёдоровна машинально потёрла спину: рубцы после вчерашнего допроса были ещё свежи.

— Пошли в дом, только тихо: не разбудить бы малышей.

В доме со вчерашнего вечера было не прибрано. Ребята не хотели ужинать, пока не вернётся мать, которую увёл Палач. Молоко пили уже в потёмках.

Так и остались стоять на столе непомытые кружки: Вовкина — с отбитым краем, Павликова — без ручки и самая аккуратная, Олина — с цветком.

Рая помрачнела, увидев эти кружки. Теперь она раскаивалась, что посоветовала прятаться в Печенёве. Если их с Ларой здесь схватят, это будет гибелью и для них и для их семей.

Анна Фёдоровна нагнулась, потянула вбитое в половицу железное кольцо, и в полу открылась чёрная квадратная дыра.

— Здесь спрячетесь, в подполе. Только нет лестницы. Лестницу ребята на сеновал уволокли.

— Ничего, мама, мы можем и без лестницы.

Держась руками за края люка, Рая с секунду висела над ямой, затем ловко прыгнула вниз. Исчезла в дыре и Лара. Анна Фёдоровна закрыла люк.

Под ноги Ларе попался твёрдый продолговатый катышек-клубень картофеля. Зимой в подполе хранилась картошка, а сейчас было пусто.

Из загадочно светившейся отдушины тянуло теплом. Справа виднелись четыре толстых столба. Рая потащила к ним Лару.

— Иди сюда. Столбы толстые, а мы с тобой тощие. Спрячемся — нас не будет видеть.

— А зачем здесь столбы, да ещё такие толстые?

— Как это зачем? Чтоб печку подпирать. Разве ты в своём Ленинграде никогда в подпол не лазала?

— Нет, не лазала. И даже не знала, что под домом бывает подпол.

Лара с любопытством оглядывала своё убежище. Здесь можно было бы затеять игру в путешественников, попавших в таинственную пещеру. Только время было неподходящее для игры.

Рая приложила палец к губам: по крыльцу застучали солдатские сапоги.

«Это немцы нас ищут, — подумала Лара. — Баба-яга уже донесла».

Из подпола девочкам было слышно, как заплакала разбуженная стуком Оля, как Павлик сонно спросил:

— Мамка! Это опять к нам палачи?

В горницу вошли два немецких солдата. Один из них, нагло развалившись на столе, начал допрашивать Анну Фёдоровну:

— Ты где прятал беглый девчонка?

— Вам здесь искать некого, — смело ответила мать. — Вчера меня в штабе пытали: где твоя дочь? А я знаю? Вы за неё в ответе! Вы мою старшенькую угнали в Германию, а теперь и остальных хотите сгубить!.. Нет у нас беглых!

— Ах, нет? — Немец со злостью соскочил со стола и задел ногой за кольцо.

Минуту спустя он стоял над раскрытым люком, вытянув шею, как гончая собака, напавшая на след. Однако яма показалась ему чересчур глубокой: пожалуй, прыгая, не только в земле измажешься, но и ногу сломаешь.

— Матка! Где есть твоя лестница?

Мать постаралась как можно спокойнее ответить: если немецкие солдаты желают посмотреть, где она в морозы держала картошку, им придётся прыгать — лестница зимой пошла на дрова.

Нагнувшись над люком, второй солдат с опаской заглянул в тёмную дыру и сказал по-немецки, что он не цирковой акробат.

— Я знаю, что делать, — успокоил его белобрысый.

Присев на корточки, он опустил руку в люк и нажал кнопку карманного электрического фонарика. На земляной пол упало ярко-жёлтое пятно. Оно походило на светящийся глаз гигантского филина, который выслеживает добычу в темноте. Жёлтое зловещее пятно шарило по стенам, ощупывая каждый выступ.

Вот оно огненным взмахом взлетело на потолок, вот соскользнуло на пол и стало подкрадываться к подножию столбов.

Лара увидела, как вспыхнули золотом волосы Раи, и тут же зажмурилась. Её ослепила яркая полоса света, молнией промелькнувшая между столбов. Но девочки словно срослись со столбами: ни одним движением они не выдали себя.

— Там никого нет, — с досадой сказал немец. Фонарь погас. С грохотом захлопнулся люк. В темноте рука Лары нащупала Раю, и девочки молча обнялись. Теперь, когда опасность миновала, они чувствовали, что ноги их больше не держат, а сон пригибает к земле.

Прижавшись друг к другу, они проспали на земляном полу до вечера.

Вечером снова открылся люк, но уже осторожно, бесшумно.

Первой Анна Фёдоровна вывела из дома Лару. Тоненький, острый месяц-молодик блестел в небе, как лезвие серпа, заброшенное в цветущие, синие-синие бескрайные льны.

Девочка послушно следовала за Анной Фёдоровной. Лара ничего не расспрашивала, хотя ей было очень странно: почему её ведут не к калитке, а в глубь усадьбы, где колышется рожь.

— Здесь вы и поговорите, — Анна Фёдоровна легонько толкнула девочку в чашу колосьев, — пока я свою Раису не приведу.

Во ржи кто-то сидел. Кто-то сгорбленный. Лица в темноте не рассмотреть, но на голове знакомый белый платочек.

— Ларушка! — услышала девочка слабый шёпот.

— Баб! Моя дорогая, ненаглядная!

И Лара уткнулась лицом в бабушкины колени.

Уже давно сжали рожь. Уже Лара попрощалась с журавлями.

Осенним утром она видела в небе журавлиный косяк: курлыкая, птицы летели на юг.

Всё чаще и чаще стали перепадать заморозки. Как-то Лара вышла с заданием на рассвете. Грязь на дороге замёрзла, стала жёсткой и, как железная, звенела под ногами.

Трава вдоль дороги заиндевила, и от этой голубоватой, словно намыленной травы уже позимнему пахло ледяной свежестью.

У девочки озябли руки. Она засунула руки в карманы ватника, и пальцы нащупали что-то твёрдое: обломок карандаша.

И сразу же Ларе вспомнился Мишка. Сейчас она напишет ему письмо. Конечно, особенное — ведь партизаны писем не пишут. Просто она мысленно будет разговаривать с Мишкой: это и будет её письмом. Как бы ни был Мишка далеко, он должен почувствовать, что в эту минуту она о нём думает, пишет ему письмо.

«Здравствуй, Мишук! Это я. Шлю тебе боевой партизанский привет. Как твоя рука? По-моему, она уже должна поправиться. Больше никогда не болей. Не обижайся, что долго не писала. Сам понимаешь — дела.

Было у меня очень интересное задание в Усть-Долыссах. Туда нарочно поступили полицаями наши партизаны: Коля Шарковский и Вася Новак. Они выкрали немецкую полевую почту, а я притворилась нищенкой: „Подайте хлебушка, люди добрые! Подайте сироте!“ Немцы думали, что полицаи задержали нищенку, а на самом деле ребята передали мне конверты, и в своей нищенской сумке под корками хлеба я принесла эти конверты в штаб.

У каждой воинской части свой номер полевой почты. По номерам на конвертах узнали, что две венгерские дивизии переброшены с Карельского фронта в наши леса.

Миша, мне объявили благодарность. Ну, как? Ты доволен своей сестрой?..

А другая большая радость: Раю, Фросю и меня приняли в комсомол. Знаешь, до чего было здорово! Как в настоящем райкоме. Стол застелили красной материей. Красный цвет — мой самый любимый, потому что это наш цвет, боевой.

Кто-то спросил: „Это те самые девочки, которые спрятались в лесу, чтобы их не отправили на самолёте?“

Уж теперь, думаю, нас с Фросей не отправят: мы теперь — комсомол.

Сейчас я ни Фроси, ни Раи не вижу. Меня перевели в 21-ю бригаду. Командира ты хорошо знаешь, и я тоже. Это капитан Ахременков. Его бригаде нужны были разведчики, и решили,

что я пригожусь.

Здесь я не только хожу в разведку, я помогала минировать шоссе. На наших минах подорвались четыре немецкие машины. Так им и надо! Пусть не ездят по нашей земле.

В 21-й бригаде люди тоже очень хорошие и смелые. Но уж очень я привыкла к Фросе и Рае, всё скучаю без них. Один раз встретила Раю и Фросю в лесу: они пошли вправо, а мне надо было идти влево. Иду и реву, иду и реву...

И по тебе, Миша, тоже скучаю.

Помнишь, как мы договорились: когда война кончится, ты приедешь к нам в Ленинград. Я тогда тебе покажу свой карандаш. Я его не потеряла и тебя не забыла. И ты не забывай боевых друзей.

А вернуться из госпиталя сюда, в штаб, ты, пожалуй, уже не успеешь: воевать осталось недолго. Скоро наши партизанские бригады соединятся с Красной Армией.

Победа будет наша. Как я жду этот день, как жду...»

На тычке плетня была надета крынка с отбитым краешком.

— Видишь крынку? — Лара повернулась к девушке, которая шла с ней рядом. — Это наш условный сигнал. Значит, в деревне спокойно, можно зайти отдохнуть с дороги, погреться. Здесь, в Игнатове, есть у нас такой дом.

Мальчик лет девяти гонял по улице жестянку. Но видно было, что он делает это без всякой охоты, — просто чтоб не замёрзнуть.

— Сторожишь? — поравнявшись с мальчиком, сказала Лара. — Значит, у вас гости. Верно я говорю? Мальчик неопределённо пожал плечами: он не знал Лариной спутницы — коренастой, румяной девушки в клетчатом платке.

— Моя новая боевая подруга Валя, — представила её девочка. — Беги, скажи матери, что идут свои. И мальчишка со всех ног помчался домой. В избе оказались два молодых партизана с автоматами. Они назвали свои имена: Геннадий и Николай. Поздоровавшись с девочками, они снова сели на лавку, не снимая с себя автоматы.

Хозяйка хлопотала у печки. За ней хвостом ходила девочка-малышка, цепко держась за материнский подол.

У всех оживились лица, когда хозяйка вынула из печки и поставила на стол сковородку с запечённой, заправленной молоком картошкой.

— Мамка! А я? — простонал топтавшийся на пороге мальчик. — Мне опять сторожить?

— Ладно. Садись и ты. Немцы вчера были, сегодня небось не заглянут.

Мальчик уселся рядом с Геннадием, с восхищением глядя на его автомат.

— Ну прямо пирог! — усердно хвалила угощение голодная Валя. — Вот мы и встретили праздник. Ведь сегодня уже четвёртое ноября.

— Я не согласен, — улыбнулся Геннадий, — ещё три дня до праздника. А наши войска так близко, что, я надеюсь, мы встретим праздник вместе.

— Что вы сказали? — встрепелулась Лара. — Уже? Через три дня?!

Она так долго ждала этого дня, что даже растерялась, узнав, что он уже близко.

— Мы-то ещё повоюем, — продолжал Геннадий, — до самого Берлина надо дойти. А вы, девчата, — вы днями вернётесь домой.

Домой! Чем-то маминым, тёплым повеяло на Лару от этого слова. Да, теперь, когда возвращаются наши, она согласна, она поедет домой.

Домой! Даже чудно! Она уже так давно не была дома, что многое трудно вспомнить. На каком трамвае ехать с Витебского на Выборгскую? Какие у этого трамвая разноцветные огоньки?

Ведь в Ленинграде трамваи разноглазые, и каждый можно отличить издали по его огонькам.

А может, сейчас, в войну, трамваи не ходят? Неважно. Она пойдёт по Ленинграду пешком.

Она будет ходить долго-долго, слушая шум большого города — шорох шин, шаги пешеходов, гудки буксиров, крики чаек над Невой. Она будет вдыхать запах бензина, асфальта и заводского дыма с такой жадностью, словно это запах цветов.

На площади стоит бронзовый Ленин. Она ему поклонится, поздоровается с ним.

И каменным львам на набережной, и заводским трубам, и золотым шпильям, и волнам Невы, и каждому камню на мостовой она скажет:

«Здравствуйте, мои дорогие! Это я! Я тоже вас защищала, а сейчас я вернулась домой».

Домой! Он небольшой, этот двухэтажный дом на Выборгской. Там мама, которую эти годы она видела только во сне. Она взбежит по деревянной лестнице...

— Мама! — громко сказала Лара и смутилась, потому что все на неё посмотрели, и глаза у всех были ласковые.

— Конечно, — вздохнула хозяйка, — мамин пирог всего слаще, а пока нашей картошки поешь.

Но девочка позабыла о том, что голодна. Она украдкой под столом рассматривала свои руки. Неужели они опять будут в чернилах, после того как она напишет свой первый в 1943 году диктант?!

В каком же она будет классе? Опять в пятом? Мальчишки станут дразниться: «Такая дылда, и в пятом!» Но разве она виновата, что не училась в войну! А возьмут ли её снова в балетный кружок? Отодвинув свою миску с картошкой, Лара вылезла из-за стола.

— Ты куда? — удивилась хозяйка.

— Хочу посмотреть в окошко: нет ли кого на улице?

На самом деле Лара хотела проверить: может ли она, как раньше, встать по-балетному на носочки. Так как обувь сейчас у девочки была грубая, неудобная, то пришлось опереться о подоконник.

Лара приподнялась на носки и сейчас же опустилась, отпрянула от окна. Она увидела: по улице движутся солдатские каски.

— Немцы! — крикнула девочка. — Сюда идут немцы!

Ступив на берег озера Язно, партизанский разведчик мог считать себя дома. Но в этот вечер Рая и Фрося, вернувшись с задания, нашли партизанскую переправу разгромленной: ни плота, ни часовых.

Двое парней, Сеня и Анатолий, доламывали стоящую на берегу сторожку. Они сказали девочкам, что, по слухам, немцы сегодня ворвались в партизанский край и партизаны отступили глубже в леса.

— Сделаем из стены плот, — сказал Анатолий, — будем догонять своих. А ну, налегайте, девчата!

Вчетвером они дотащили бревенчатую стену до озера и спихнули её в воду. Кое-где по кромке виднелся лёд, бесцветный и сахаристый, как ломтики незрелого арбуза.

— Да выдержит ли этот плот четверых? — забеспокоилась Фрося.

— Пятерых должен выдержать. Ещё к нам бежит кто-то!

Продираясь сквозь кусты, на берег выбежала девушка. Клетчатый платок сбился на затылок. Валя держалась руками за горло, будто её что-то душило.

— Лару взяли! — крикнула она.

— Где взяли? Почему ты её оставила? Говори!

И, давясь слезами, Валя стала рассказывать, что дом окружили, оба партизана в перестрелке были убиты, и Лара, подобрав автомат, стреляла по немцам из окна, пока не кончились патроны.

Немцы ворвались в избу. Хозяйка пыталась спасти девочек, пробовала выдать разведчиц за своих дочек. Говорила, что стреляли парни, которых она не знает и только потому пустила в дом, что они грозили оружием.

Сперва немцы как будто ей поверили, но с ними был один человек-предатель. Он, показывая на Лару, сказал офицеру: «Партизанка», и Лару увели.

— Может, ещё убежит... — Фросе не хотелось верить: ведь она убежала не раз.

— Ой, не убежит... — простонала Валя. — Немцы злые, чувят, что их власти конец. И потом, у неё граната. Уже слышно было, что немцы в сенях, и вдруг я вспомнила, что у меня под ватником на поясе висит граната. Спрашиваю Лару: «Что делать?» Лара говорит: «Дай её мне». И я дала.

— Ну, если у неё была граната... — замигала глазами Рая и отвернулась.

— Нет, нет, — протестовала Фрося, — не верю, не хочу, не буду верить, пока всё не узнаю сама!..

...7 ноября 1943 года 6-я Калининская партизанская бригада соединилась с частями Красной Армии. Рая и Фрося вновь стали мирными жителями. Не по заданию, а сами, по зову сердца, они пришли в освобождённое Игнатово.

И там им рассказали о Ларе.

... - Взять её! — приказал офицер, и солдаты окружили Лару.

— Не трогайте меня! — быстро сказала девочка. — Я пойду сама.

Ей было отвратительно их прикосновение, а главное, она боялась, что они обнаружат гранату, спрятанную в рукаве.

Что ж, если её рукам не придётся больше носить книги в школу, то бросить гранату они сумеют. Только, конечно, не здесь. Здесь Валя, хозяйка, дети... Она не погубит своих.

Лара простилась с ними молча, одними глазами. Застывший у двери мальчик своими вихрами напомнил ей Мишку. Проходя мимо, она украдкой погладила его по голове.

Офицер сказал, что надо обыскать арестованную, и конвой отвёл девочку в соседнюю избу.

Там никого не было, кроме лежавшей на печке старухи. Свесив седую голову, она молча смотрела на немцев усталыми, выцветшими от слёз глазами.

«Надо отойти подальше и бросить так, чтоб не убило бабушку», — подумала Лара.

Она наметила себе место: у окна в заднем углу избы.

Мимоходом девочка бросила быстрый взгляд в окно, и ей этого было достаточно. Она успела заметить, что по огороду бегут, спотыкаясь, трое: бежит Валя, бежит мальчик, бежит хозяйка с малышкой на руках.

Они спаслись. Все спаслись: и малышка, и этот вихрастый мальчонка. Они будут жить. Как хорошо!

Чтобы заслонить их, Лара стала к окну спиной и прощальным взглядом обвела горницу. Стены были оклеены старыми, пожелтевшими от времени газетами.

Девочке бросилось в глаза напечатанное крупными буквами слово «концерт».

Шесть лет назад Лара впервые в жизни попала на концерт. Её не хотели пускать: ну что она поймёт, ей будет скучно — мала! И верно, сперва было непонятно: почему потушили свет в зале, когда смотреть не на что, никакого представления на сцене нет.

Но вот заиграл оркестр, и девочке показалось, что зал вновь засиял, даже ещё ярче, чем прежде, что со сцены в зал волнами льётся невидимый, удивительный свет. Этим светом была сама музыка.

Девочке и сейчас почудилось, что она слышит те же сверкающие, гордые, величественные звуки. Они заполняют всё, как разливающаяся по небу заря. Это музыка победы, музыка торжества.

Всё равно будет по-нашему на нашей земле!

— Показывай, что у тебя в карманах! — крикнул офицер.

— Гляди! — широко размахнувшись, Лара швырнула гранату.

Немцы попадали на пол.

Старуха на печке покорно закрыла глаза: «Слава тебе, боже! Всем моим мученьям конец».

Но, не услышав грохота взрыва, старуха с удивлением снова открыла глаза. Она увидела, что маленькая партизанка, смертельно бледная, стоит, бессильно прислонившись к стене.

Солдаты вскочили с пола и бросились бить девочку.

Валина граната не взорвалась.

Рассветало скучно, неохотно — по-зимнему. Наконец занялось утро — холодное, но безветренное. Над деревней стояли неподвижные, словно примёрзшие к небу, низкие облака.

— По небу видать: быть снегу, — сказала Саньке мать, помешивая угли в печке, — и вороны вечер кричали, тоже к снегу. Занесёт дорогу, завьюжит, а мы с тобой так хворостом и не запаслись...

И она укоризненно посмотрела на сына. Путаясь в рукавах, мальчик торопливо натягивал на себя кацавейку.

— Ты куда собрался?

— Надо! — буркнул Санька.

— Да ты совсем от рук отбился! А вот возьму и не пущу!

Санька растерянно заморгал. А что, если вправду рассердится и не пустит? Она нравная, с неё станет. Хоть правдой, хоть хитростью, а надо улизнуть.

— Мама, я же хотел за хворостом...

— Вот это другое дело!

Мать стояла к нему спиной, поворачивая ухватом горшки в печке, но голос у неё подобрел:

— Верёвку возьми — вязать вязанки, хворост выбирай покрупней и посуше, да...

Но дверь уже хлопнула. Мать обернулась: лохматая верёвка по-прежнему лежала на лавке, а Саньки и след простыл.

Не разбирая дороги, мальчик, как заяц, бежал по зелёному ковру озимых. Потом по колючему жнитву, потом по чёрно-лиловым мёрзлым глыбам вспаханной под пар земли. Санька спотыкался, падал и снова бежал, пока не выбрался на большак.

Он не мог объяснить матери, почему он должен был уйти из дома, но он должен был это сделать. Он хотел попрощаться с Ларой.

Когда в деревне заговорили, что в Игнатове немцы схватили кудрявую глазастую девочку-

партизанку, у Саньки заняло сердце: это она, она!..

Говорили, что эту партизанку должны казнить, потому что она, кроме всего прочего, бросила гранату — хотела подорвать и себя и немецких солдат. И Санька решил, что если Лару повезут на расстрел в Пустошку, то обязательно по большаку.

Когда Санька вышел на большак, в воздухе начали кружиться снежинки. Так и должно было быть: на кусте бурьяна, словно два краснощёких яблочка, сидели два снегиря, а известно, что эти птицы прилетают к нам с первым снегом.

Они тоненько пересвистывались, и мальчик вмешался в их разговор.

Санька ловко подражал голосам разных птиц, мог одурачить даже осторожную кукушку, но сегодня он охрип — снегириный серебряный пересвист у него не получился.

Птицы улетели. Мальчик остался на дороге один.

Он передавил ногами весь лёд на лужах, но, как ни прыгал, согреться не мог. Кацавейка на нём была старая, выношенная, а ждал он долго. Уже колеи на дороге побелели — столько в них насыпало снегу. Когда цветут тополя, точно так же в каждой ямке белеет пух.

На Санькин рукав упала большая, похожая на звёздочку мохнатая снежинка.

«Вот подожду, когда эта снежинка растает, — решил продрогший Санька, — и пойду домой. Может, сегодня не повезут, а может, и вообще это не она».

Но снежинка, словно живая, лежала на его рукаве и не таяла.

Вдали показались две подводы. И мальчик нарочно медленно, чтоб было время все рассмотреть, пошёл им навстречу.

Санька взглянул на первую подводу и, брезгливо поморщившись, отвернулся. Что, он не видел пьяных немецких солдат?..

А вот вторая подвода заставила мальчика насторожиться. И здесь рядом с мрачным, понурым возницей восседал немецкий солдат, но позади конвойного подозрительно высоко топорщилась коровья шкура. Кого прятали под ней?

Поравнявшись с подводой, Санька осторожно кашлянул. Коровья шкура зашевелилась, и на мальчика глянули знакомые карие глаза. Лишь по этим ставшим ещё огромней глазам мальчик и узнал Лару.

Теперь ему было понятно, почему немецкие солдаты трусливо закрыли захваченную партизанку коровьей шкурой. Они боялись, что люди увидят, как зверски избита девочка. Даже на её кофточке были пятна крови.

Что мог сказать мальчик Ларе за одно короткое мгновение? Как найти слово, которое бы придало этой девочке силы в последние часы её жизни, — самое могущественное и самое родное из всех человеческих слов?

Мальчишечья рука медленно взмыла кверху.

То, что Саньке хотелось вложить в одно слово, он выразил жестом. Мальчик отдавал Ларе пионерский салют.

Это были и знак глубокого уважения её мужеству, и детская клятва верности, и прощальный привет. Не только от него одного. От всех, кто носит на груди алый, как знамя, пионерский галстук, — от ребят Советской страны.

И девочка это поняла.

Она выпрямилась и в ответ подняла руку, отдавая свой последний пионерский салют.

О РОЗЕ, О КОРАБЛЕ И О КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

А может, она всё-таки жива?

Маленькая читательница детской библиотеки города Великие Луки, волнуясь, ждала ответа. Может, в книге не всё досказано, может, Лара осталась жива?

Я вспоминаю майское утро в Пустошке. Сюда из разных мест на День Победы приезжают боевые друзья. Их молчаливые объятия красноречивее слов. Приезжают сюда и печальные женщины. Когда они идут по улице, за ними с сочувствием и нежностью следит множество детских глаз.

«...И постараемся заменить Ваше дитя в теплоте и уважении, в жизни и делах. Знайте, что Вы не одиноки, что мы у Вас есть, мы все теперь Ваши дети...»

Разве эти слова, написанные пионерами Мосальска матери Лары, не относятся ко всем понёсшим утрату матерям?

Через Пустошку движется торжественная процессия, люди несут на братское кладбище венки. Фрося Кондруненко не знает, где могила её брата Пети. Она кладёт свой венок к подножию памятника погибшим партизанам.

Возле могилы комбрига Арбузова могила Лары Михеенко, расстрелянной фашистами 5 ноября 1943 года. Вокруг неё толпятся ребята в красных галстуках, приехавшие из Пскова, Хотькова, Вышнего Волочка и Великих Лук.

А потом автобус везёт нас туда, где раньше было Печенёво. В густой траве запутались колючие стебли. Это бабушкины розы, за которыми ухаживала Лара. Хотьковцы выкапывают из земли побег с корешком: пусть у них под Москвой расцветёт печенёвская роза.

Мы побывали и на месте расстрела партизан, где комсомольцы Пустошки поставили Ларе обелиск. Я вижу, как девочка из Вышнего Волочка берёт горсть земли, а мальчик из Пскова отламывает веточку сосны на память.

Мы стоим тихо-тихо. Над белыми ветреницами, над лиловыми венчиками сон-травы жужжат шмели. Поскрипывают сосны. Они словно спрашивают, как в песне: «Где ты, где ты?..»

А вот девочка из Великих Лук спросила: «Может, она всё-таки жива?»

И мне вспоминается другой день на берегах Невы, голоса ребят, пронзительные, как крики чаек.

— Вот она, «Лара», смотрите!

Океанский теплоход «Лара Михеенко» пришёл в Ленинградский порт. Советское правительство посмертно наградило ленинградскую пионерку орденом Отечественной войны I

степени и присвоило её имя кораблю.

Корабль строился в ГДР на верфи «Нептун» города Ростока. Строителям свойственно говорить о кораблях как о живых людях. Когда теплоход «Лара Михеенко» с честью выдержал испытание на шторм, строители сказали:

— Этого надо было ожидать. Как мы слышали, она и в жизни была такой!

По морям-океанам поплыл корабль «Лара Михеенко», и с ним в кругосветное путешествие отправилась моя книжка. На остановках в портах моряки рассказывали о Ларе ребятам Англии, Бельгии, Италии, Франции, Канады, Кубы, Мексики, Японии, Индии, Вьетнама.

В порту Камора моряки встречались с внучатами Хо Ши Мина — так во Вьетнаме называют пионеров. На другой день внуки Хо Ши Мина пришли снова, пришли с подарком — красным галстуком. Они сказали, что у них тоже есть девочка — героиня Бун Тхи Хан. Во время бомбёжек она прятала детей в укрытие. Спасая других, погибла сама.

Я видела красный галстук Бун Тхи Хан в школе № 5 города Хотькова, в Народном музее Лары Михеенко. Галстук попал сюда не случайно: пионерская дружина этой школы зачислена моряками в экипаж корабля.

Но и юные запорожцы школы № 8 острова Хортица подписываются в письмах: «Экипаж корабля „Лара Михеенко“». И отрядам имени Лары в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Харькове, Львове, Золотопоше, Омске, Новосибирске, Уфе, Ишимбае, Семипалатинске, Ульяновске, Пустошке, Моздоке, Воркуте, Вологде, Бийске, Владивостоке, Тюмени, Конакове, Чарджоу, на станции Домна, на острове Сахалине, в Туркмении, Латвии, Эстонии, Литве, Приморье, Заполярье, в горах Дагестана и Урала, в Удмуртии и в Татарии есть о чём рапортовать. Я знаю триста дружин и тысячу отрядов имени Лары, они есть и за рубежом — в Венгрии, Болгарии, ГДР, но я ведь знаю не все.

Девочка из Великих Лук спросила: «Может, она всё-таки жива?»

День Победы — это не только печаль по погибшим, это день нашей славы, день торжества нашей правды. Погибшие герои продолжают жить в кораблях, книгах, песнях и в наших сердцах и в делах.

Передо мной встают строки из детских писем:

«Когда мне надо решить что-то трудное, я думаю, как бы поступила на моём месте Лара? Я советуюсь с ней...»

«...Я решил быть похожим на Лару и сделать для людей что-нибудь хорошее...»

И снова мне вспоминается майское утро на Псковщине, весёлый весенний лес. Какая свежесть и сила жизни в только что распутившихся листьях, в зелёном пламени молодой травы!

Нет с нами девочки Лары, но в стране растут тысячи девочек и мальчиков, которые хотят быть на неё, похожими.